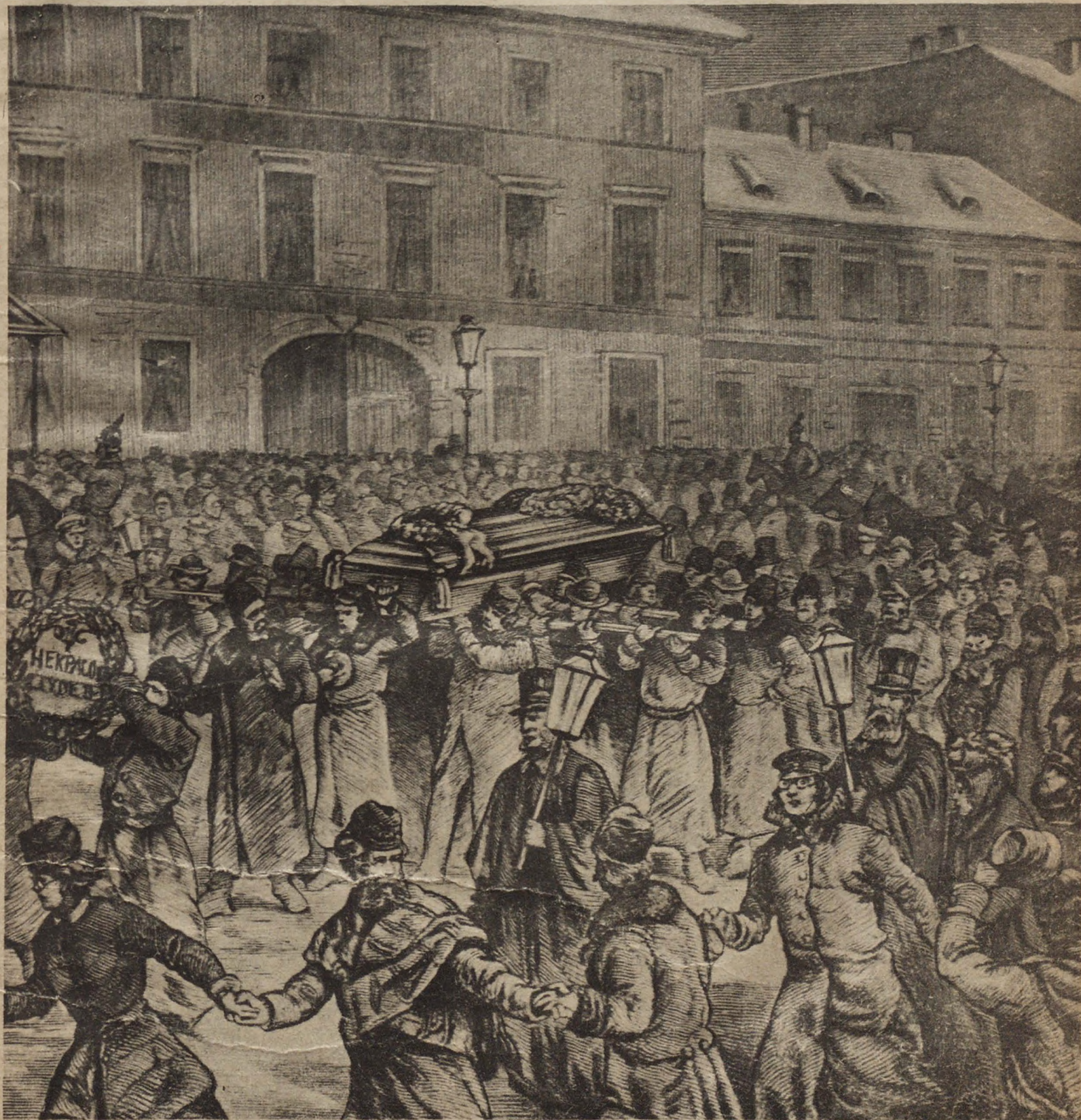

О Г О Ж Е К

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ НЕКРАСОВА

50 лет назад, 27-го декабря (ст. ст.) 1877 года, толпа в несколько тысяч человек провожала тело Н. А. Некрасова. Похороны превратились во всенародную отдачу почестей поэту.

Рисунок художника А. Балединера в журнале „Всемирная Иллюстрация“ 1878

ДОМАШНЯЯ АПТЕЧКА
сер. „В“

ГОСМЕДТОРГПРОМ

ХИМФАРМЗАВОД
им.
Н.А. СЕМАШКО
МОСКВА

ДОМАШНИЕ И КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

Другие наборы высылаются непосредственно с ЗАВОДА-
рия „А“ Цена 1 р. 50 к. Карманная и дорожная аптечка
в изысканном футляре—21 предмет.
„Б“ 2 р. — Домашняя аптечка—21 предмет.
„В“ 3 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике
для хранения лекарств—24 предм.
„Г“ 5 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике
для хранения лекарств—31 предм.
„Д“ 50 к. Спорттивно-карманная аптечка—
8 пр. (высылается не менее 3 шт.)
„Е“ 3 р. 50 к. Парфюмерно-косм. посыл.—11 пр.
„Ж“ 4 р. — Парфюмерно-косм. посыл.—13 пр.

В каждой аптечке имеется наставление к пользованию.
Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш
точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложен-
ным платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказ
идет на отрезном купоне перевода.

При переводе полной стоимости вперед (почт. перен.)
пересылка бесплатно. При наложен. платеже пересылка
за счет заказчика.

Прейс-куррант высылается БЕСПЛАТНО.

Адрес: МОСКВА, Центр, ГОСМЕДТОРГПРОМ, Отд. посылок № 7.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО
ДАМСКИХ ШЛЯП-ФОРМ
ЛЕНИНГРАД

Троицк, ул. № 20.

Д. ФРИДБЕРГ

просит все мод-
ные магазины - ма-
стерские дамских шляп
заблаговременно сообщать
свои адреса, для бесплатной пере-
сылки им своего плаката вырабатываемых
фирмою форм по последним моделям 1928 г.

ШКОЛА

для
СТОЛЯРА И ТОКАРЯ
ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
БИБЛИОТЕКУ
СТОЛЯРНОГО, ТОКАРНОГО
РЕМЕСЛ

под редакцией инженеров
Н. И. А. ПЕСОЦНИХ
в 8-ми выпусках с многочислен-
ными рисунками и чертежами.

Эта библиотека является система-
тической школой для изучения сто-
лярного и токарного ремесла. В этой
библиотеке получают отражение все
последние достижения в этой обла-
сти, а также и механические и руч-
ные приемы работы, связанные с ними.

Цена за все издание 18 р.
Допускается рассрочка: при под-
писке 3 руб., первые шесть выпу-
сков высылаются нал. плат. по 2 р.
50 к. каждый выпуск. Последние
два выпуска—беспл. Пересылка по
достав. стоим.

Все издание предполагается за-
кончить в первой половине 1928 г.
Под подробные проспекты высыла-
ются по требованию.
Заказы и деньги адресовать:
МОСКВА 6, М. Дмитровка 8/в.
Моск. Аки. Издат. Обществу.

ЧЕРЧЕНИЮ легко выучиться
по донущ. ГУС и
реком. МОНО пособия А. Д. ДЕМКИНА
Требуйте по всем книж.-и. маг. и от ав-
тора списки их. МОСКВА (центр),
Покровка 50/4.

„ИСКОРКА“

35 к.

в мес.

„ИСКОРКА“

35 к.

в мес.

Попрошу ПАПУ!

ВЫПИСАТЬ МНЕ в 1928 г.

лучший ежемесячный журнал

„ИСКОРКА“

В журнале: рассказы, стихи, рисунки, загадки.
К каждому № приложения—красочные вкладки: ИГР,
ЛОТО, ТЕАТРОВ.

Подписную цену 35 коп. в мес. направлять:

МОСКВА, Тверская, 42/о

Издательство „РАБОЧАЯ МОСКВА“.

ВЕЧЕРА ИГР И РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Собр. с рис.
и ютимами.
Фокусы, танцы и всевозм.
игры.—А. Зеленой и др. 310 стр.
Ц 1 р. 80 к.

Фокусы, основанные на лов-
кости рук—Комарова, ц. 35 к.
Головоломки, с 57 рис.—Его
же, 32 коп.

Фокусы—Перельмана, с рисун-
ками, 188 стр. 1 р. 40 к. в напке.
Толчок мозгам—сборник зага-
док, шарад и ребусов. Гринич
и Бабури, ц. 80 к.

Азбука шашечной игры со
150 лозушками. В. Медков и
А. Мишин. Ц. 1 руб.

1000 настушек под гармошку
Ц. 35 к.

Веселая Биб-ка юмора и са-
тиры из произвед. Аверченко,
Зощенко и др. для чтения дома,
на сцене, в клубе, 10 выпуск.
Ц. 1 р. 70 к. с пересылкой.

Высылает наложен. платежом.
При заказе свыше 5 р. перес.
БЕСПЛАТНО.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
„ТРУД“
МОСКВА центр, Мохомая, 15/0

КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

ТАЛЬБОТ РИД. Пятый класс
264 стр. Ц 1 р. 65 к.

Тальбот Рид—автор „Стар-
шин Вильбайской Школы“.
Через книгу красной нитью
приходит стремление к само-
организации, к развитию
инициативы, моральной дис-
циплины и ответственности.

ОСИФ ДЕЛЬМОНТ. Динье зве-
затогограф. 182 стр. Ц 90 к.

От „О“ (Дельмонта) не-
обычайных приключений, даже
трагических, труд оторвать от
„О“ (Дельмонта). Ленинград.
Книги высылаются налож.
плат. без задатка. Выписыв.
на сумму не менее 3 р., а так-
же приславшие деньги вперед,
за пересылку не платят.

Заказы адресовать:
Ленинград 25, Троицкая ул. 4,
кв. 3/8.

Кооператив. И-ву „ВРЕМЯ“.

ВЫШЕЛ № 1—2 (ЯНВАРЬ—
ФЕВРАЛЬ)

МОДНОГО ЖУРНАЛА
СЕЗОННЫХ ДАМСКИХ МОД

„МОДЫ
СЕЗОНА“

„Моды Сезона“ составляются по послед-
ним заграничным новинкам

В каждом номере—красочные рисунки
и вырезная выкройка.

Подписная цена:

На год—15 руб., на полгода—8 руб.

Цена № 1—2—1 р. 50 к.

ТРЕБУЙТЕ в КИОСКАХ и у ГАЗЕТЧИКОВ!

„СОВЕТСКОЕ ФОТО“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ФОТО-ЛЮБИТЕЛЬСТВА И ФОТО-РЕПОРТАЖА
ВЫШЕЛ И РАЗОСЛАН № 1 (Январь)
ПОДПИСЧИКАМ

СОДЕРЖАНИЕ:

Зимние съемки.—Наша сила и наша
слабость.—Пути фото-культуры.—Жи-
вопись и фотография.—Международ-
ное фото-любительское движение.—
Фотографирование для журналов и га-
зет.—Иллюстрация. Фотография.—Кто
может фотографировать для прессы?—
Проявление негативов при сомнениях
в верности взятой экспозиции.—Само-
дельные слайды для полуватных

ламп.—Шаг за шагом.—Веселые с на-
чинающими.—Фотографическое конкур-
са на тему „Зима“.—Как организовать
фото-кружок и как в нем работать.—
По иностран. журналам.—К нашим ил-
люстрациям.—Смотр фотографии в стен-
газете.—Фотообщественность.—Кри-
тические заметки.—Переписка с под-
писчиками.—Таблицы экспозиций на
январь и февраль. В № 50 иллюстрац.

Цена 50 коп. Требуйте во всех газетных киосках.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1928 ГОД

(В 1928 году журнал выходит в увеличенном об. еме).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—4 р. 75 к., на полгода—2 р. 50 к., на три мес.—
1 р. 25 к. За приложение „Фото Альманах“ доплачивается один рубль.

Переводы адрес.: МОСКВА—6, Страстной б. 11, Аки. Изд. О-ву „ОГОНЕК“.

ХХ 196
13

ВРАГИ РАБОЧЕГО КЛАССА

Представители империалистической Франции, Англии и фашистской Польши договариваются о «разоружении» в Западной Европе, чтобы развязать себе руки на мировом колониальном плацдарме—в Китае и Индии. Наемник империалистов Чжан Цао-ли и генерал британской армии Саттон, специалист по удуплению революции, плечом к плечу идут против трудящихся Китая. Интересно отметить, что во время интервенции СССР Саттон подвизался в ставке Колчака, где большевистским снарядом была оторвана одна рука генерала. Берегите, генерал, вторую руку и помните, что лозунг «руки прочь от Китая» не снят с повестки дня международного рабочего движения. Другая колониальная страна—Индия—десятилетиями стоит под игом английского капитала. Вице-король Индии должен заискивать перед туземными аристократами и искать в них поддержку против антибританского движения, охватившего всю индускую общественность.

ПРЕДСТОЯЩЕЕ ЧЕСТВОВАНИЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Очерк А. В. Луначарского.

За границей злостно распространяются слухи, что мы не только не чтим великих классиков русской литературы, но даже изымаем их из библиотек и запрещаем их читать.

Чему можно удивляться, так это необыкновенной прочности всякой заведомой лжи, распространяемой прежде всего в эмигрантской среде, даже при условии, что правда бросается в глаза. На самом деле мы издаем классиков и в полном виде, и в виде специально комментируемых, снабженных соответственными разъясняющими предисловиями отдельных книг. Мы так много говорим нашей молодежи о необходимости их читать, что факт этот не мог бы ускользнуть от внимания любого, даже предубежденного наблюдателя.

Довольно широко распространялось мнение, что если классиков недурно читает взрослое население, которое настойчиво требует новых изданий Пушкина и Тургенева (они сейчас и готовятся), то среди молодежи интерес к классикам пробуждается туго.

Может быть, это утверждение год-полтора тому назад соответствовало в некоторой степени истине, но сейчас данные, поступающие из библиотек, свидетельствуют, что классики занимают почетное, даже доминирующее место среди книг, читаемых молодежью.

По отношению к Толстому—одному из величайших наших классиков—вполне возможно было бы, при той нетерпимой прямолинейности, которую нам приписывают, встать в положение враждебное или, в лучшем случае, нейтральное.

В самом деле, что такое для нас Лев Толстой? Разве его религиозные и философские писания не представляют собою одну из разновидностей религиозного дурмана? Разве то, что дается у него в очищенной и утопичной форме, не ставит его суждения под удар резкой критики Ленина против всяких дистиллированных препаратов бога? Разве Толстой в своих художественных произведениях не описывает далеку юнышнему населению Советского Союза среду—аристократию? Разве изображение им крестьянства не полно, с одной стороны, утопического обсахаривания мужика, а с другой стороны—влюбленного изображения его терпения? Возможно даже, что среди коммунистов могли бы найтись люди, настолько отрицательно оценивающие эти стороны толстовского творчества, что они готовы были бы отрицать и положительное в Толстом. Но, к счастью, в этом отношении мы имеем суждения самого Владимира Ильича, благодаря чему отношение нашей новой общественности и нашего государства к Толстому определилось без ненужных споров с каким-нибудь ультра-левым меньшинством; и это несмотря на то, что некоторая часть толстовцев заняла явно враждебную позицию по отношению к советской власти и может довольно вредно влиять на такую важную сторону государственной жизни, как военная оборона.

Предстоящий столетний юбилей Толстого, конечно, является огромным литературным праздником. Художественный гений Толстого признан всем человечеством. Толстой без всякого спора поставлен рядом с величайшими звездами мировой литературы—Шекспиром, Гете и им подобными.

Толстой справедливо получил от тысячелетней молвы название „великого писателя земли русской“. Для русского народа и всех тех народов, которые вместе с ним входят в великий Советский Союз и культура которых поэтому особенно близка именно к русской культуре,—чествование Толстого является, разумеется, делом гораздо более близким, чем для граждан иных стран.

Государство решило принять самое деятельное участие в чествовании Толстого.

В общественный комитет, которому поручена общая подготовка этого чествования, вошел целый ряд представителей советской власти, рядом с родными и друзьями Толстого, представителями науки и т. д. Комитет этот возглавляется наркомом по просвещению РСФСР.

Каковы же те основы, на которых будет проходить чествование Толстого и участие в нем Советского государства?

Они вытекают из той оценки, которую Ленин дал Толстому, и предприняты директивной правительством.

Мы будем чествовать в Толстом одного из величайших художников нашей литературы. Мы будем чествовать в нем человека глубокой совести, сделавшей его голос одним из честнейших голосов, когда-либо звучавших на свете. Мы будем чествовать в нем смелого революционера, который мощно потрясал колонны, поддерживавшие государственный порядок общества и церковью современных правящих классов. Мы будем широко разъяснять населению эти высоко положительные качества творчества Толстого, памятуя о том, что Ленин выразил горячее желание, чтобы Толстой стал доступен каждому, и предсказал, что благотворное влияние его будет особенно сильно именно в будущем.

Но это не значит, чтобы мы на основе пошловатого положения: „о мертвых только хорошее“, или на основе принципа выдержанности юбилейно-торжественного настроя—забыли бы сказать об отрицательных сторонах Толстого.

Ленин охарактеризовал Толстого не как барина. Эту сторону его характеристики он опустил, как второстепенную. Толстой был для Ленина прежде всего типичным крестьянским революционером. Его положительные стороны он выводил из этого факта так же, как и отрицательные.

Чисто крестьянская революция всегда половинчата. Она заражена религиозными предрассудками и легко скатывается к своеобразной пассивности (непротивление злу насилием) и запутывается во множестве противоречий; она не умеет оценивать всего значения капиталистической культуры и т. д.

Типичное толстовство в Толстом мы будем осуждать и на его юбиле. Мы будем разъяснять все преимущество боевого коммунистического учения и пути над толстовской утопией „непротивленчества“. Мы укажем на глубокую ошибочность суждений Толстого о культуре и неумение его выделить среди множества отрицательных черт этой культуры, приобретшей классовой характер, ее могучие положительные стороны, на которых зиждется наше строительство. Приветствуя яркую борьбу Толстого с попами, мы в то же время укажем, что маленький кусочек этого попа остался в самом Толстом потому, что из крестьянина-индивидуалиста в высшей степени медленно испаряются остатки религиозных верований.

* * *

Среди форм чествования Толстого первое место занимает, конечно, издание его сочинений. Капитальнейшим актом в издательском отношении будет государственное юбилейное издание полного собрания сочинений Толстого в 93 томах. В него войдут не только все художественные произведения Толстого¹ в том числе множество неизданных, но также и дневники, записные книжки и письма. Если не ошибаюсь, добрых 15, а, может быть, 20 томов этого собрания сочинений будут представлять собою новый, непечатанный еще

¹ Таким изданием является полное собрание художественных произведений Л. Н. Толстого, предпринятое по инициативе журнала „Огонек“ Госиздатом. А. Л.

материал. Основным руководителем редакционной работы будет друг Толстого—В. Г. Чертков, который посвятил десятки лет своей жизни тщательному собиранию его рукописей и может дать множество ценнейших указаний.

Кроме того, государством учреждена особая редакционная комиссия, состоящая из наркома по просвещению А. В. Луначарского, его заместителя М. Н. Покровского и старого коммуниста, знатока книжного дела, В. Д. Бонч-Бруевича. Эта государственная комиссия будет осуществлять общее наблюдение за изданием отнюдь не для того, чтобы воспретить что-нибудь толстовское, а именно для того, чтобы обеспечить возможную полноту издания,—может быть, вопреки воле тех или других заинтересованных близких Толстого,—или защитить тот или другой личный оттенок мысли, который, может быть, волею или неволею мог бы быть затемненным в угоду установившимся традициям толстовства, как направления. Отнюдь не заподозривая уважаемых членов комиссии по изданию Толстого в таком желании, мы все же твердо стоим на той точке зрения, что Лев Николаевич, как личность, был гораздо шире своего толстовства и тем более толстовства своих учеников.

От постановки какого-нибудь памятника Толстому в форме монументальной статуи мы пока отказываемся. Толстой, между прочим, сам очень недобродительно относился к памятникам.

Из этого, однако, не следует, что когда-нибудь памятник не будет ему воздвигнут. Мало того, комитет находит вполне желательным, чтобы наружности Толстого, так счастливо дополняющая его произведения, была широко популяризована.

Но подлинным памятником Толстому должны быть прежде всего те учреждения, которые носят его имя и близки его идеям. Нам уже удалось, между прочим, благодаря неутомимой деятельности Александры Львовны Толстой, превратить Ясную Поляну в довольно изрядную станцию культурного воздействия на население. Там строится большая школа, развертывается школа-мастерская, имеется народный дом, ведется всесторонняя работа с населением и учителями, сходящимися со всех сторон. Этот культурный центр в связи с юбилеем Толстого должен быть усилен. Комитет предполагает обратиться к правительству с просьбой о специальных ассигнованиях на укрепление и расширение этой своеобразной культурной станции. К участию в этом деле в особенности привлечены члены комитета, представляющие тульский исполком и Ясно-Полянский сельсовет.

Предполагается перевести некоторые сочинения Толстого на украинский, белорусский языки, на языки Закавказья и тюркские языки. Кое-что в этом отношении, как известно, уже сделано. Комитет разработает вместе с Главполитпросветом программу толстовских вечеров, которые могут пройти даже по мелким клубам, в деревнях и т. д.

Нет никакого сомнения, что в эти дни в Москву прихлынет достаточное количество иностранцев. Пусть они, увидев наш импозантный, светлый и в то же время честный, не допускающий никаких недоразумений праздник по поводу столетия со дня рождения великого писателя, пусть они увидят, как умеем мы анализировать культурное наследие и вместе с тем чтить его, пользоваться им, расскажут об этом повсюду, чтобы замолчала ехидная клевета о нашем отрыве от всего прошлого, о нашей сектантской узости, о нашем невнимании к тончайшим проявлениям культуры и о прочих пафосных мнимых пороках, которые нам вечно только и присущи.

А. Луначарский.

НЕКРАСОВ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ. Снимок с редкой фотографии А. Каррика — на собрании сестры поэта А. А. Буткевич. Некрасов умирал два года: у него был рак прямой кишки. Болезнь причиняла ему такие страдания, что он целыми часами кричал на весь дом. Но стоило его страданиям хоть на минуту утихнуть, он брался за перо и дрожащею рукою записывал свои прощальные „Последние песни“. Художнику И. Н. Крамскому этот снимок послужил материалом для его картины „Больной Некрасов“, находящейся в Третьяковской галерее в Москве.

НЕКРАСОВ И ЕГО ВРАГИ

Очерк К. Чуковского.

Существует мнение, будто Некрасов был черствый, сухой человек, никого не любивший, кроме своих охотничьих псов. Многие его современники вспоминали о нем в своих записках, мемуарах и статьях, как о злейшем эгоисте и скриге. Верно ли это? Нет. Это была клевета, внушенная личной обидой. Не нужно забывать, что Некрасов стоял во главе лучшего в России боевого журнала, где ему приходилось на каждом шагу и в статьях и в стихах задевать чужие самолюбия.

Некрасов и Николай Успенский

Является к Некрасову молодой человек, по имени Николай Успенский, близкий родственник впоследствии знаменитого писателя Глеба Успенского, и приносит небольшие рассказы из деревенского быта.

Поэту рассказы понравились.

Так как молодой человек вел в столице пищенскую, голодную жизнь, поэт стал ежемесячно выдавать ему довольно крупную сумму, чтобы избавить его от всяких житейских забот и дать ему возможность беспрепятственно заниматься писательством.

— Когда-нибудь сочтемся! — говорил Некрасов.

Молодой человек писал мало. Он записывал и сошелся с кабацкою голью.

Но Некрасов был щедр к талантам.

— Уезжайте за границу! — предложил он. — Я дам вам денег на эту поездку, а мы сочтемся как-нибудь потом...

Николай Успенский получил от Некрасова деньги и уехал в Европу — „спасаться“.

Но Европа не могла его спасти, и через два месяца его потянуло на родину. Деньги, данные ему Некрасовым, он растратил и пропил, и стал категорически требовать новых для возвращения в Россию.

Контора „Современника“ отказалась выслать новый аванс столь бесцеремонному автору.

Некрасов, благодушно смеясь, выдал снова свои собственные деньги и приказал немедленно отправить их Успенскому.

Но подозрительный Успенский истолковал эту деликатность по-своему, и ему пришла в голову дикая мысль, что Некрасов нуждается в нем, если осыпает его такими щедротами.

Он вообразил, что Некрасов действительно хочет на его писанину нажить капитал и, вернувшись в Россию, стал буйно требовать у поэта, чтобы тот отдал ему полностью все деньги, которые он извлек из продажи его сочинений.

Через несколько лет после смерти Некрасова Николай Успенский напечатал при одном из трактирных московских журнальчиков маленькую книжку „Из прошлого“, где на первых же страницах рассказал, что Некрасов поступил с ним, как самый последний мошенник, украл у него несколько тысяч рублей.

Некрасов и Антонович

Некрасов вывел молодого Антоновича в люди. Лично приехал к нему на квартиру, разыскал его в какой-то конуре, тотчас же дал ему денег, и сделал его чуть не первым лицом в „Современнике“.

Это была крупная ошибка, так как Антонович оказался бездарностью.

Антонович, вообразив себя наследником Добролюбова и Чернышевского, стал буквально заливать журнал своими водянистыми статьями. Это был профессиональный ругатель, литературный драчун.

Некрасов понемногу догадался, что этот шумный ругатель не обладает талантом и что его статьи могут иметь только скандальный успех.

Когда „Современник“ закрыли (в 1866 году), Некрасов разошелся с Антоновичем, и в свой новый журнал пригласил не его, а его блестящего антагониста — Писарева.

Этого было достаточно, чтобы Антонович закричал на всю Россию, что Некрасов — литературный мошенник, предатель, провокатор и проч.

Он напечатал брошюру „Литературное объяснение с г. Некрасовым“ (1869), и в этой брошюре рассказал о поэте целый ряд невероятных небылиц, которые были подхвачены чуть не всеми газетами.

Некрасову эта брошюра доставила много страданий. Он буквально заболел от нее. Но оправдываться не стал: слишком презирал Антоновича.

Поэт обратился в Литературный фонд с таким предложением:

— Пусть Антонович сейчас же отречется от своей клеветы. Пусть он письменно заявит, что он лгал, утверждая, будто я обещал ему какие-то деньги, и тогда он у меня эти деньги получит. Если же и впредь он будет клеветать на меня, будто я присвоил его гонорар, я ни гроша не заплачу ему.

И что же! Антонович взял перо и, ни мало не смущаясь, написал, что он берет все свои обвинения назад, так как он не „помнит“, обещал ли ему Некрасов какие-нибудь деньги, или нет.

За это он получил от Некрасова несколько сот рублей.

Жизнь Некрасова сложилась так неудачно, что многие факты из его биографии нам приходится узнавать от его заклятых врагов. Какова цена их показаний, читатель может судить по настоящему очерку.

К. Чуковский.

Два неизданных стихотворения Некрасова

В бумагах Некрасова и отыскал такие строки, написанные рукой поэта:

Начал жить с чужой женою,
Выскал мужу добрый куш.
Славню нашему герою
Отвечал рогатый муж.
Деньги он прислал обратно
При письме—я сам читал!—
„Мне известие приятно,
Но зачем же капитал?..
Я готов еще прибавить,
Что избавлен, наконец!..
Лучше точки здесь поставить...
Не польстился! Молодец!

Стихи неизданные. Написаны карандашом на листке почтовой бумаги. Заглавия нет.

В четвертой строке, вместо: „Отвечал рогатый муж“, было „Да и ей—ответил муж“. Судя по водевильному тону стихов, это—отрывок из сатиры „Современника“, написанной Некрасовым в 1875 г. Так как вся сатира основана на подлинных фактах, можно думать, что и эти стихи отражают в себе действительный случай, то-есть громкий семейный скандал, разразившийся в кругу тогдашней „плутократии“.

К. Чуковский.

*Стихи Ошк
теперь себя не нитке разбирать
Умеет каждый. Но одно тут плохо,
Что безобразия те же продолжать
Сознание нам не может помешать.*

Неизданные стихи Некрасова:

„Странная эпоха!

Теперь себя не нитке разбирать
Умеет каждый. Но одно тут плохо,
Что безобразия те же продолжать
Сознание нам не может помешать.“

Стихи написаны карандашом на листке почтовой бумаги. Мы полагаем, что этот отрывок из черновой рукописи „Медвежья Охота“. 1867 г.

К. Ч.

Некрасовский заповедник Карабиха

Творчество почти каждого крупного писателя связано с определенным краем, тем, который дал ему наиболее яркие впечатления. Лев Толстой неразделим с воспоминаниями Ясной Поляны, в романах Тургенева рисуются помещичьи гнезда Орловской губернии, Лермонтов — невец Кавказа, Кольцов — Донских степей.

Стихи Некрасова, которые по своему реализму могут быть названы поэтическим документом его жизни, особенно краеведны: в них постоянно мелькают то Петербург 40—70 гг., то природа и деревня Ярославской губернии и соседнего угла Костромской. В противоположность некоторым другим писателям, Некрасов часто даже не прикрывает выдуманным именем названия родных ему мест: „Я ехал к Ростову“, поясняет он картину Приозерской дороги, „старого Наума“ помещает около Больших Солей, „дедушку Мазая“—у Малых Вежей, мужиков с их „деревенскими новостями“ собирает около Качалова леска, — все это точно цазванные приволжские села, деревни, леса, отчасти даже и люди.

Особенной известностью из таких уголков Ярославского края пользуется родовое владение Некрасова — селцо Грешнево, с прилегающими к нему деревнями и соседним селом Абакумцевым. Эти места овеяны некрасовским творчеством. Здесь протекло детство поэта под грозные окрики суро-

вого крепостника-отца, здесь научился он „любить и ненавидеть“, — любить „подавленных и трепетных рабов“ и ненавидеть тех, кто их сделал рабами, чтобы проводить свою жизнь „среди пиров, бессмысленного чванства, разврата, гнилого и мелкого тиранства“.

Сюда, к могилам страдальцев-матери, несутся покаянные стоны „рыцаря на час“.

Но в Грешневе, кроме старых лиц да „музыкантской“, сохранились одни валы и ямы. Усадьба сгорела еще при жизни Н. А. Некрасова. Последний был в это время владельцем другого ярославского имения, не родового, но „благоприобретенного“ — Карабихи.

Непосредственно эта усадьба не отражена в стихах поэта, но в ней он провел много лучших месяцев своей жизни, в ней создал ряд произведений самой зрелой поры своего творчества, и она так хорошо сохранила свой внешний, а отчасти и внутренний облик, что Ярославцем возбуждено ходатайство об объявлении Карабихи „Некрасовских заповедником“.

Некрасов в начале 70-х годов. С фотографии Девьера. На обороте портрета рукой поэта написано:

„Разбиты все привязанности, разум давно вступил в суровые права. Гляжу на жизнь неверующим глазом... Все конечно! Сидит голова...“

Эти стихи написаны вскоре после разлуки поэта с Авдотьей Павловной.

Название села происходит от Карабитовой горы и звучит глубокой стариной: здесь еще в XV веке разыгрывались последние междоусобные битвы феодальной Руси между войсками Шемки и Василия Темного. В начале XIX столетия оно принадлежало кн. Голицыну, ярославскому губернатору, отцу известного декабриста. Голицыны выстроили в усадьбе большой дом с флигелями и развели прекрасный парк. К 60-м гг. это имение, как и многие другие дворянские гнезда, потеряло интерес для владельца, и опека малолетних наследников искала покупателя на Карабиху. Им оказался Н. А. Некрасов. К этому времени Некрасов был не только знаменитым поэтом, но и человеком с хорошими средствами. Он мог позволить себе роскошь отдыхать несколько месяцев от редакторских волнений со своим „Современником“, от бесконечных распри с цензурой и бессонных ночей по столичным клубам. На отдых его тянет к знакомым ему ярославским лесам и болотинам с их охотничьим раздольем.

Отец тогда не только примирился с „непокорным“ сыном, но и, видимо, заискивал перед ним, как перед известным и богатым человеком, однако, на предложение его переехать в Грешнево, поэт ответил вежливым отказом: „Желание мое непременно иметь собственную усадьбу. В деревне я ищу полной свободы и совершенной безопасности, при удобствах, устроенных по моему личному вкусу, и прошу вас раз-узнавать в наших местах. Я ищу непременно усадьбу без крестьян, без процессов и, если можно, без всяких хлопот...“ (Архив села Карабихи).

В следующем письме он уже сообщает „любезнейшему батюшке“:

„Я купил Карабиху... Заплатил дорого, но не жалую, потому что покупаю не для дохода, а для собственного пребывания летом“. Этим письмом от 1861 г. и начинается история собственно некрасовской Карабихи. О дальнейшем мы узнаем кое-что из отрывочных указаний последующей переписки поэта с Ф. А. Некрасовым, который делался доверенным братом по управлению усадьбой. Усадьба, видимо, занущена, и поэт в первые годы своего хозяйничанья дает передние распоряжения: „Прикажешь вычистить парк и сад... Прикажи сделать новую плотину через Которосль“... „Когда он выделил для своих приездов флигерь, то на-станивает на деревянной пристройке к нему с хорошими печами, потому что в нем, „долею августа и ранее июня жить нельзя: сыро, да и тесно“.

В 60-е г. поэт еще здоров, любит жизнь, избалован столичным комфортом; с ним едет в Карабиху его тогдашняя привязанность—француженка Селина, для которой он заказывает „побольше резеды и хороший роиль из Ярославля“. Позже с поэтом в Карабихе—его верная Зина. Некрасов приезжает к себе в конце мая и гостит месяца 2—3. Когда он купил себе новую дачу, ближе к Петербургу, в Чудове, то все же обычно покидает ее в начале июня для своей любимой ярославской усадьбы. Даже в Ялте „погода и природа хороши, а скука смертельная“: между тем о Карабихе только и читаешь в этих письмах, что там „покойно и приятно“. О любви поэта к Карабихе говорят и живые его современники. Их уже немного: два — три старика на то, а в известия Николая Алексеевича, жену его брата Федора. Пата-ны

Главный дом в Карабихе.

Павловна—уже преклонная старушка, но сохранила свежую память и охотно делится воспоминаниями о поэте с посетителями усадьбы. Теперь ей постановлением Ярославского исполкома предоставлен в пожизненное пользование уютный домик, выстроенный Николаем Алексеевичем для другого брата, „неудачника“ Константина, а в главном доме и историческом флигеле устроен санаторий для туберкулезных. Пока экскурсии сравнительно редко заглядывают в Карабиху—реже, чем в Грешнево, но число литературных паломников-одиночек начинает увеличиваться и, несомненно, в связи с юбилеем великого писателя и с объявлением усадьбы—Некрасовский заповедник будет расти. Попасть в Карабиху нетрудно: три—четыре версты хорошей дороги лесом от ст. Козьмодемьянск, Моск.-Яросл. ж. д.

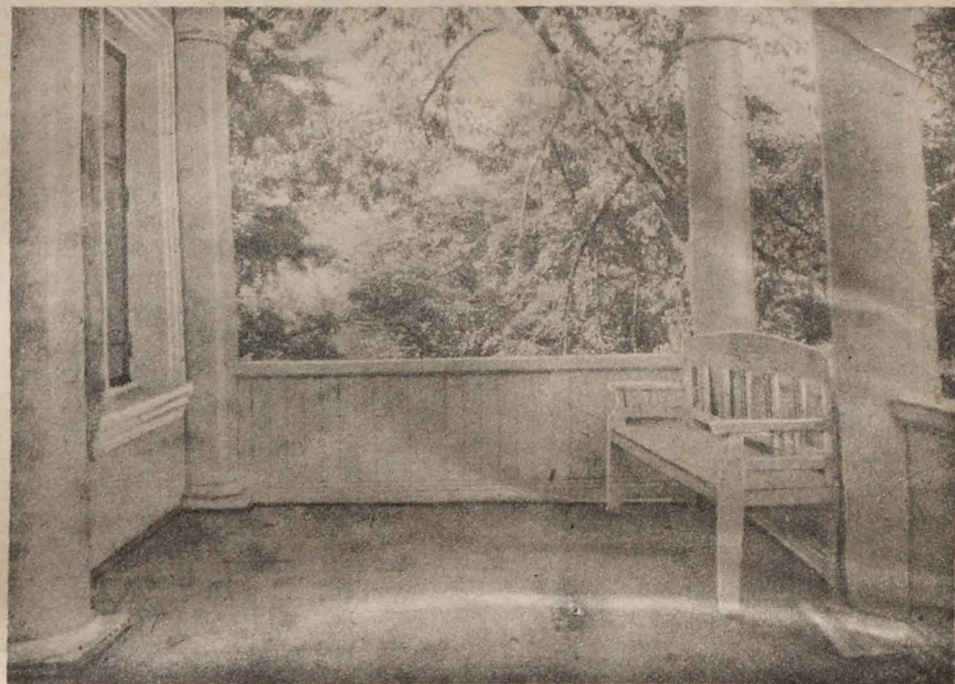
Въезд в усадьбу тенистой аллеей, с остатками каменных ворот, сразу переносит воображение к прошлому столетию. Голицыны умели выбирать место для своей загородной виллы. Высокий холм красиво венчается двухэтажным каменным домом типичной барской архитектуры: фронтоны на колоннах, веранда бельведер, с которого широко развевается живописное приволье окрестностей. Старики помнят, как к верхней веранде заднего фасада вели на сводах каменные подьезды, усыпанные песком и обсаженные георгинами. По ним при Голицыных блестящие кавалькады гостей въезжали прямо на балкон, чтобы „поцеловать ручку сиятельной княгине“. Если над бельведером развевался флаг—значит, „господа дома“.

Некрасовы не увлекались этими феодальными затеями и сносили подьезды, заслонявшие свет в нижних комнатах. Непротив подьезда стояла карусель в 4 люльки и ве-

летнее время выставлялись около террасы.

Среди санаторной обстановки, заполнившей эти княжеские хоромы, еще бросаются в глаза то огромное трюмо, то громоздкий кожаный диван, то дорогой гардероб, бле-

не сохранилась, но против дома на зеленой поляне еще высится кедр: в его тени расстился ковер, на котором тоже устраивались литературные чтения, между прочим, отрывков из „Кому на Руси жить хорошо“.

Балкон во флигеле поэта.

пущий красным деревом, то вычурное зеркало стиля „второго рококо“. Это—остатки мебели, перевезенной Некрасовыми из Ярославля; среди них один грешневский диван своей резной по спинке мордой собаки напоминает о вкусах отца Некрасова и о детстве поэта.

С 70-х гг. поэт уже не говорит в письмах о „своем доме“, а о „своем флигере“. К тому времени он уступил весь главный дом брату, а сам в нем стал гостем: здесь он обедал и отдыхал в кругу своих, здесь принимал друзей, среди которых Наталья Павловна вспоминает Григоровича, Островского, Салтыкова-Щедрина. Этот флигерь—небольшой двухэтажный дом. В нижнем помещении—комнаты для прислуги, с глубокими старыми окнами. Вверху большой кабинет поэта. Указанные выше воспоминания Ушаковой преувеличивают, говоря об „изысканной роскоши“ его обстановки. В Некрасовском „мемориальном уголке“ Ярославского Государственного музея хранятся вывезенные из кабинета письменный стол с креслом к нему довольно ординарной работы, и разве только прекрасный портрет поэта кисти Крамского и глубокое „вольтеровское“ кресло намекают на эту роскошь. По рассказам родственников Ник. Алча, поэт особенно любил это кресло; в нем он грелся около камина, заставленного охотничьими трофеями. Камин еще сохранился, хотя и с заложением очагом, цело и одно чуело убитого поэтом глухаря. Двери кабинета—на балкон, откуда прекрасный вид в заросли парка, к вьющейся под холмом Которосли. Некрасов променял шумный главный дом на флигерь не из одной любезности к многосемейному брату: он ехал на дачу не только отдыхать и стрелять глухарей, но и работать. В первый же год, когда была куплена Карабиха, он говорит: „Опять я в деревне. Хожу на охоту, пишу мои вирши“... А для творчества Некрасова нужно было возможное уединение. Наталья Павловна помнит, как он в этом кабинете писал свою „Княгиню Волконскую“, почти на целый месяц запершись. „Даже обед ему приносили. Когда же окончил, созвал всех домашних и читал поэму в беседке, куда велел подать шампанского“.

Черновой экземпляр поэмы взят из Карабихи в Ярославское Архивбюро. Беседка

Родственники поэта утверждают, что значительная часть поэмы набросана в Карабихе, а отделявал ее поэт больше за границей. Самый парк немного запущен, но прекрасно сохранил свои столетние березы, сосны, липовые аллеи и даже часть былой решетки. В нем попадаются очаровательные зеленые закоулочки, и весь он,

Кедр в парке, под которым устраивались литературные чтения.

исхоженный ногами поэта, как бы создан для того, чтобы вместе с усадьбой стать поэтическим заповедником.

Н. Певушкин.

Невестка поэта Наталия Павловна Некрасова.

ревочные качели. Парк при жизни поэта был открыт для всех; но праздникам в нем устраивались крестьянские гулянья с хороводами и песнями. „Миколай Лексеич долго, бывало, смотрит, как мы хороводничаем“,—говорил нам один из немногих, помнящих поэта, „дедушек“—В. М. Еремин. „А вот как помер, так карусель и прикрыли“. Внутри дом сохранил свой донекрасовский план: высокие приемные комнаты, „альков“ парадной спальни, тесные лесенки на антресоли, где жили дети и гувернантки. Судя по воспоминаниям М. А. Ушаковой („Некрасовский сборник“, 1918 г.), в первые годы своего владения Карабихой Некрасов имел личный кабинет здесь, в нижнем этаже. Окна его выходили в „померанцевый сад“. Так называлась аллея померанцевых деревьев, которые на

ПУТЕШЕСТВИЕ ГУЛЛИВЕРА

Неизданные отрывки из политического памфлета Джонатана Свифта.

Знаменитые „Путешествия Гулливера“ Джонатана Свифта, вышедшие в свет в 1726 г., 202 года тому назад, имели замечательную судьбу. Эта злая и беспощадная сатира на Англию и ее политический строй начала XVIII в. т.-е. времени, когда складывался существующий и до сих пор парламентаризм, а также на человечество вообще, сделалась любимейшим детским чтением чуть ли не на всем земном шаре. Этот успех у детей (им, правда, пользуются только две первые части книги: „Путешествие в Лилипутию“ и „Путешествие в Бродбингнет“) служит лучшим доказательством таланта автора. Когда Свифт писал своего „Гулливера“, он, конечно, вовсе не имел в виду развлекать детей; однако, простота, ясность, наглядность и занимательность рассказа таковы, что невольно увлекают даже вовсе не подготовленные книжной культурой умы. Все же популярность книги у юного читателя имеет и отрицательную сторону: считая ее детской, к ней с недостаточным вниманием относятся взрослые, между тем как она написана именно для них. Ниже следующие отрывки из „Путешествий Гулливера“, которые выходят в переводе, запови проредактированном А. Франковским, в изд-ве „Academia“, содержат несколько наиболее ярких образов сатиры Свифта, предназначенной для взрослых.

Первый из этих отрывков, который можно озаглавить: „Королевский метод подавления народных восстаний“ (ч. III, гл. III), в значительной своей части был только недавно

Джонатан Свифт.

опубликован в Англии, и на русском языке печатается впервые. Как это могло случиться? История довольно сложная и в общих чертах сводится к следующему. Когда

„Гулливер“ вышел в свет, Свифт, как тогда (в то время у власти находились виги), был в опале. Между тем его сатира направлена в значительной степени против вигов и королей Ганноверской династии, покровительствовавших им. Из боязни гонения Свифт тщательно скрывал свое авторство и, отправив рукопись одному лондонскому издателю (сам он жил тогда в Дублине), предоставил ему право выбрасывать и менять места, которые тот считал бы неудобными для печати. Издатель (Мотт) воспользовался этим правом, и первое издание „Гулливера“ содержало не мало искажений и пропусков. Один из друзей Свифта исправил Моттовское издание по рукописи, поместив свои исправления на белых листах и вставив их в книгу. Этот исправленный экземпляр хранится сейчас в Кинсингтонском музее в Лондоне. Начиная с 1735 г., „Гулливер“ стал выходить в исправленном виде, но не вполне. Печатаемый ниже отрывок только сравнительно недавно был опубликован по-английски. Действие происходит в королевстве Балнибарби, над которым носится летучий остров Лапута, удерживаемый в воздухе при помощи особого магнита. На этом острове помещается король. Нам понятно, почему издатель счел благоразумным опустить этот отрывок, который мы публикуем впервые. А. Ф.

Королевский метод подавления народных восстаний

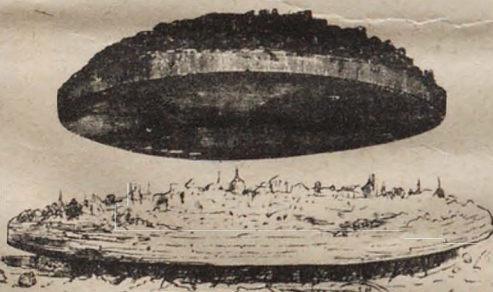
Года за три до моего прибытия к лапутанам, когда король совершал полет над своими владениями, произошло необыкновенное событие, которое чуть было не оказалось роковым для этой монархии, по крайней мере для ее теперешнего строя. Линдалино—второй по величине город в королевстве—был первым, удостоившимся посещения его величества. Через три дня по его отъезде горожане, часто жаловавшиеся на большие притеснения, заперли городские ворота, арестовали губернатора, и с невероятной быстротой и энергией воздвигли четыре массивные башни по четырем углам города (площадь которого представляет собой правильный четырехугольник) такой же высоты, как и гранитная остроконечная скала, возвышающаяся как раз в центре города. На вершине каждой башни, так же, как и на вершине скалы, они утвердили по большому магниту, и, на случай крушения их замысла, запаслись огромным количеством весьма горючего топлива, надеясь расколоть сильным пламенем алмазное основание острова, если бы проект с магнитами оказался неудачным.

Только через восемь месяцев король получил донесение о том, что Линдалино поднял мятеж. Он отдал тогда распоряжение направить остров к городу. Население было исполнено единодушия, запаслось провиантом. Посреди города протекает большая река. Король парил над мятежниками несколько дней, лишая их солнца и дождя. Он велел опустить с острова множество бечевок, но никто и не подумал обратиться к нему с челобитной, зато во множестве полетели весьма дерзкие требования возместить все причиненные городу несправедливости, вернуть привилегии, предоставить

населению право выбора губернатора и тому подобные несуслазности. В ответ на это его величество приказал всем островитянам бросать с нижней галереи на город большие камни; но от этого несчастия горожане обереглись, укрывшись со своими пожитками в четырех башнях и других каменных зданиях, а также в погребах.

Тогда король, твердо решивший привести к покорности этих гордецов, приказал медленно опустить остров на сорок ярдов от верхушек башен и скалы. Приказание короля было исполнено, но чиновники, при-

Воздушный остров Лапута, который должен был покорить мятежников.

Мятежный город.

водившие его в исполнение, обнаружили, что спуск совершился гораздо быстрее, чем обыкновенно, и, повернув магнит, только с большим трудом могли удерживать остров в неподвижном положении, но заметили, что он все же проявляет тенденции к падению. Они немедленно дали знать королю об этом удивительном явлении и просили

у его величества разрешение поднять остров выше; король дал согласие, был созван большой совет, и чиновники, ведающие магнитом, получили приказание присутствовать на нем. Один из старейших и опытейших среди них испросил разрешения произвести придуманный им опыт. Он взял прочный шнурок в сто ярдов длины, и, когда остров поднялся над городом на такую высоту, что прекратилось действие подмеченной притягательной силы, прикрепил к концу шнурка кусок алмаза, содержащий в себе некоторое количество железной руды, подобно алмазу, составлявшему основание или нижнюю поверхность острова, и стал медленно спускать его с нижней галереи к верхушке одной из башен. Не спустился алмаз и на четыре ядра, как чиновник почувствовал, что он с такой силой увлекается вниз, что ему едва удалось вытащить алмаз обратно. После этого он сбросил с острова несколько обломков алмаза и заметил, что все они с силой были притянуты верхушкой башни. Тот же опыт был проделан по отношению к остальным трем башням и скале, и результат каждый раз получался одинаковый.

Это событие заставило короля нарушить все свои планы, и (мы не будем останавливаться на подробностях) ему пришлось оставить город в покое.

Один из министров уверил меня, что если бы остров опустился над городом так низко, что не мог бы больше подняться, то горожане навсегда лишили бы его возможности передвигаться, убили бы короля и всех его прислужников и совершенно изменили бы образ правления.

Любопытны также следующие отрывки, либо вовсе запрещенные, либо искаженные царской цензурой. Свифт имеет в виду английскую реформацию и революцию XVI и XVII вв.

Религиозный раскол в Лилипутии

нынешнего императора, будучи ребенком, порезал себе палец за завтраком, разбивая яйцо означенным способом. Тогда император, отец ребенка, обнаружил указ, предписывавший всем его подданным, под страхом строгого наказания, разбивать яйца с острого конца. Этот закон до такой степени раздразнил население, что, по словам наших летописцев, был причиной шести восстаний, во время которых один импера-

тор потерял жизнь, а другой—корону.³ Описываемые гражданские смуты постоянно разжигались монархами Блефуску. При подавлении восстания изгнанные вожди всегда находили приют в этой империи. Насчитывают до одиннадцати тысяч фанатиков, которые в течение этого времени пошли на казнь, лишь бы только не подчиниться повелению разбивать яйца с острого конца. Были напечатаны сотни томов,

Итак, две могущественные державы—Лилипутия и Блефуску¹—ведут между собой ожесточеннейшую войну в продолжение тридцати шести лет. Поводом к войне послужило следующее обстоятельство. Все держится того мнения, что вареное яйцо, при употреблении его в пищу, следует разбивать с тупого конца, и что этот способ практикуется некими явками; но дел

¹ Блефуску—Франция, оказывавшая поддержку восстаниям Лилипутии—Англия.

² Король Генрих VIII, порвавший с Римом.

³ Карт I и Карт II.

тракующих об этом вопросе, но книги, поддерживающие теорию тупого конца, давно запрещены, и вся партия лишена законом права занимать государственные должности.¹ В течение этих смут императоры Блефуску часто через своих посланников делали нам предостережения, обвиняли нас в церковном расколе, в искажении основного догмата нашего великого пророка Люстрога, изложенного в пятьдесят четвертой главе Блундекраля (являющегося их Алькораном). Между тем мы видим здесь только различное толкование одного и того же текста, подлинные слова которого гласят: *„Все истинно верующие да*

¹ Католики.

О методах раскрытия заговоров в королевстве Трибниа.

Другой профессор показал мне обширную рукопись инструкций для открытия протиправительственных заговоров. Он рекомендует государственным мужам исследовать пищу всех подозрительных лиц; разузнать, в какое время они садятся за стол; на каком боку спят; тщательно рассмотреть их аксеременты, и на основании их цвета, запаха, вкуса, густоты, поноса или запора, составить суждение об их мыслях и намерениях: ибо люди никогда не бывают так серьезны, глубокомысленны и сосредоточены, как в то время, когда они сидят на стульчаке, в чем он убедился на собственном опыте; в самом деле, когда, находясь в таком положении, он пробовал просто в виде опыта размышлять, каков наилучший способ убийства короля, то кал его приобретал зеленоватую окраску, и цвет его бывал совсем другой, когда он думал только о подплатии восстания или о поджоге столицы.

Все рассуждение написано с большой пронизательностью и заключает в себе много наблюдений, любопытных и полезных для государственных людей, хотя эти наблюдения показались мне недостаточно полными. Я отказался сказать это автору и предложил, если он пожелает, сделать некоторые добавления. Он принял мое предложение с большей благожелательностью, чем это обычно бывает у писателей, особенно тех, которые занимаются составлением проектов, и заявил, что будет рад услышать дальнейшие указания.

О великой любви к подданным и милостивом к ним отношении Лаггнежского короля

Письмо из дворца было получено к ожидаемому нами сроку. В нем содержался приказ привезти меня со свитой, под конвоем десяти человек, в Тральдрегдэ или Трилдрегдриб (насколько я помню, это слово произносится двойко). Вся моя свита состояла из упомянутого бедного юноши—переводчика, которого я уговорил поступить ко мне на службу; по моей почтительной просьбе, каждому из нас дали по мулу. За полдня до нашего отъезда был послан гонец уведомить короля о моем скором прибытии и попросить у его величества назначить день и час, когда он милостиво соизволит удостоить меня чести *лизать пыль у подножия его трона*. Таков стиль здешнего двора, и я убедился на опыте, что это не простая метафора. В самом деле, когда через два дня по моем прибытии я получил аудиенцию, то мне приказали ползти на брюхе и лизать пол по дороге к трону; впрочем, из уважения ко мне, как к иностранцу, пол был так чисто вымыт, что пыли на нем осталось немного. Это была исключительная милость, оказываемая лишь самым высоким сановникам, когда они испрашивали аудиенцию. Больше того: пол иногда нарочно посыпают пылью, если лицо, удостоившееся высочайшей аудиенции, имеет много могущественных врагов при дворе. Мне самому случилось раз видеть одного важного сановника, у которого рот до такой степени был набит пылью, что, подползая к трону на надлежащее расстояние, он не способен был вымолвить слова. И ничем не избавиться от этой пытки, так как пле-

разбивают яйца с того конца, с какого удобнее. Решение же вопроса: какой конец признать более удобным, по моему скромному суждению, должен быть предоставлен совести каждого или, по крайней мере, решению первого судьи империи. Изгнанные *тупоконечники* возмели такую силу при дворе императора Блефуску и нашли такую поддержку и поощрение со стороны своих единомышленников внутри нашей империи, что уже тридцать шесть лун оба императора ведут кровавую войну с переменным успехом. В течение этого периода мы потеряли сорок линейных кораблей и огромное число мелких судов с тридцатью тысячами наших лучших моряков и солдат;

полагают, что потери неприятеля еще значительнее. Но, несмотря на это, неприятель снарядил новый флот и готовится высадить десант на нашу территорию; вот почему его императорское величество, вполне доверяясь вашей силе и храбрости, повелел мне сделать вам настоящее изложение наших государственных дел.

Я просил секретаря засвидетельствовать императору мое нижайшее почтение и довести до его сведения, что хотя мне, как иностранцу, не следовало бы вмешиваться в партийные дела, тем не менее я готов, не щадя своей жизни, защищать его особу и государство от всякого иноземного вторжения.

Тогда и сказал ему, что в королевстве Трибниа, называемом туземцами Лангден,¹ где я пробыл некоторое время в одно из моих путешествий, большая часть населения состоит сплошь из разведчиков, свидетелей, доносчиков, обвинителей, истцов, очевидцев, присяжных, вместе с их многочисленными подручными и помощниками находящихся на жалованьи у министров и депутатов. Заговоры в этом королевстве обыкновенно являются махинацией людей, желающих укрепить свою репутацию тонких политиков; вдохнуть новые силы в одряхлевшие органы власти; задушить или отвлечь общественное недовольство; наполнить свои сундуки конфискованными имуществами; укрепить или подорвать доверие к государственному кредиту, согласуя колебания курса со своими личными выгодами. Прежде всего они соглашаются и определяют промеж себя, кого из подозрительных лиц обвинить в составлении заговора; затем прилагаются все старания, чтобы захватить письма и бумаги таких лиц, а их авторов заковать в кандалы. Захваченные письма и бумаги передаются в руки специальных знатоков, больших искусников по части нахождения тайственного значения слов, слогов и букв. Так, например, они открыли, что сиденье на стульчаке означает тайное совещание, стая гусей—сенат; хромая собака—претен-

дента; чума—постоянную армию; сыч—первого министра; подагра—архиепископа; виселица—государственного секретаря; ночной горшок—комитет вельмож; решето—фрейлину; метла—революцию; мышеловка—государственную службу; бездонная бочка—казначейство; помойная яма—двор; дурацкий колпак—фаворита; сломанный тростник—судебную палату; пустая бочка—генерала; гноющаяся рана—систему управления.

Если этот метод оказывается недостаточным, они руководствуются двумя другими, более действительными, известными между учеными под именем *акростихов* и *анаграмм*. Один из этих методов позволяет им расшифровывать все инициалы, согласно их политическому смыслу. Так, N будет означать заговор; В—кавалерийский полк; L—флот на море. Пользуясь вторым методом, заключающимся в перестановке букв подозрительного письма, можно прочитать самые затаенные мысли и узнать самые сокровенные намерения недовольной партии. Например, если я в письме к другу говорю: „Наш брат Том нажил геморрой“, искусный дешифровальщик из этих самых букв прочтет фразу, что заговор открыт, надо сопротивляться, и т. д. Это и есть анаграмматический метод.

Профессор горячо поблагодарил меня за сообщение этих наблюдений и обещал сделать почетное упоминание обо мне в своем трактате.

¹ Трибниа—анаграмма слова Британия (Britain), Лангден—Англия (England).

Преддворный обычай.

вать и вытирать рот во время аудиенции в присутствии его величества считается большим преступлением. При этом дворе существует еще один обычай, к которому я отношусь с крайним неодобрением. Когда король желает мягким и милостивым образом казнить кого-нибудь из сановников, он повелевает посыпать пол особым ядовитым коричневым порошком, полизав который приговоренный умирает в течение двадцати четырех часов. Впрочем, следует отдать должное великому милосердию этого монарха и его попечению о жизни подданных (в этом отношении европейским монархам не мешало бы подражать ему), и к чести его сказать, что после каждой такой казни отдается строгий приказ на чисто вымыть пол в аудиенц-зале, и в случае небрежного исполнения этого приказа слугам угрожает опасность навлечь на себя немилость монарха. Я сам слышал, как его величество давал распоряжение отстегать плетью одного пажа за то, что тот, несмотря на свою очередь, злонамеренно пренебрег своей обязанностью и не позаботился об очистке пола после казни; благодаря этой небрежности был отравлен лившийший на аудиенцию молодой, подававший большие надежды вельможа, хотя король в то время вовсе не имел намерения лишить его жизни. Однако, добрый монарх был настолько милостив, что освободил пажа от порки, после того как тот пообещал, что больше не будет так поступать без специального распоряжения короля.

Л Е Т А Ю Щ И Е Х У Т О Р А

Очерк Ник. Полюдина. Рисунки В. Сварога.

Остап Остапович Хвыличка глядел на книжечку, врученную ему комсомольцами, любопытнейшими и нежными глазами. Он подозревал всех, кто был на его току: жену свою, Домну Серапионовну, зятя Никиту Гузия, сына Даньку, меня, и мы вместе с Остапом Остаповичем глядели на книжечку.

Сидевший на соломе Остап Остапович поднял палец правой руки.

— Осо! — прочитал он.

Поглядел на жену значительно.

— Ави! — прочитал он и ехидно глянул на зятя.

— Ахим! — крикнул он и обвел всех нас взглядом, который говорил вызывающе и гордо: «Что, слышали?»

Было молчание, которое каждый из нас делал по-своему. Молчание разорвал Остап Остапович возгласом укученного шмелем человека:

— Ой, братики, шо будэ на белом свете, когда все люди, и собаки, и волы, и целые хутора будут летать по небу, как моя арба с соломой по степу. Шо ж це буде!

Он умолк. Зажмурил глаза и так, с зажмуренными глазами, качал головой, а потом заговорил, и в мгновение ока вечерний приутихший ток, с думающими волами, с гигантской фигурой Домны Серапионовны, с рыжими усами самого Остапа Остаповича, с курносой Данькой и с шароварами Никиты Гузия, с веселой рожей катающегося по степи солнца, со всем, что есть на свете и чего нет, сгинул, пропал, как будто заговорил не Остап Хвыличка, а сам Алексей Толстой.

Вот Остап Остапович летит на аэроплане куда-то, и сам не знает куда. И поет Остап Остапович на всю землю, на весь мир:

Ой, у луз,
Тай ще при берези...

По дороге ему, например, попадается кум Гнилорыбенко:

— Це вы?

— Я.

— Погодь... Та постой трохи, чертыка, — весело кричит ему Остап Остапович, как кричит ему всегда, встречая его на арбе под слободой Булочкиной, едучи с хутора Хуруля. — Ну, как у вас, у Булочкиной?

— У Булочкиной? — медленно закуривает кум, — шо ж, у Булочкиной? Ничего. А у вас на Хуруле как?

Поговорив эдак прилично и приятно, Остап Хвыличка продолжает свой путь прямо Черкасским шляхом, — шляхом! — через Персияновку, на Шахты, на Миллерову, на слободу Детеу, на хутор Ситраков, и опять шляхом, — шляхом! — через станицу Мигулинскую, а потом ессонцами, солонцами! — и прилетает в Китай. Конечно, день воскресный, и почему бы Остапу Хвыличке не погулять по Китаю? Но вы же знаете, какой скаженный характер у супруга его! Она теперь пришла от обедни и раскладывает на столе под вишней крутые яйца, полинцу, хворост, сметану и пирожки с картошкой. А муж где-то пропадает по Китаю. Остап Остапович и сам чувствует запах пирожков с картошкой, а потому, махнув рукой на всю китайскую территорию, забегает в икнюю потребилровку, «купает себе четверку чаю» и заводит свой мотор на все сто двадцать четыре силы.

И опять шляхом, шляхом... Хорошо!

— Остап Остапович, — говорит ему жена вежливо и протяжно, в то время, как она с одними приятными чувствами держит из

пяти пальцах блюдце с чаем и малиновой каймой.

— Остап Остапович!

— Шо, Домна Скорпионовна? — богоугодно спрашивает он.

— Божається нам с Пузырчихой на звезде,

...И за все свои
земные мучения
показывает же-
не дулю...

ду, — говорит она басом пресыщенной удовольствием светской львицы и при этом «вылупляет очи».

«Це окайнная пузырчиха» — сердито думает Остап Остапович, но интересуется в самом невинном тоне.

— Чи на Хуруле вам места мало с Пузырчихой?

Ожидая, что жена его выругает каким-нибудь нехорошим словом, Остап Остапович убеждается в другом. Жена до того нежно глядит на него, что у него чай и пирожки и яйца поворачиваются в животе.

— Прокатить Остап Остапович нас с Пузырчихой на звезду, — еще нежнее просит она. — Нам яка поближе.

— Та на шо?! — уже кричит Остап.

— О це ж мы заимпотризовались¹, чи там людины такие, как мы, чи какие другие.

В это самое мгновение у Остапа Хвылички рождается и созревает коварнейший план. Засветло он сажает в аэроплан жену свою с бабой Пузырчихой и отправляется в путь степью, на Ростов, на Таганрог и Азовским морем до какой-нибудь первой звезды. Слезает, конечно, на звезду, и все, как полагается, и с дьявольской хитростью ласково советует бабам.

— Идти, бабы, до того вон хутора, тем вон лужком, а я машину буду туточки доглядывать.

Не успевают пройти они двадцать шагов, как Остап Хвыличка орлом-птицей взмывает на небо и за все свои земные мучения показывает жене дулю, а сам скорее Азовским морем на Таганрог, на Ростов и в Хуруль.

В это время минует семейная сцена

¹ Выражение, приподлежащее Домне Серапионовне. «Заимпотризовались» означает «заинтересовались».

прервала увлекательный рассказ Остапа. Со стремительностью тумбы, гонимой японским тайфуном, прокатилась через ток его супруга, засучила рукав и под самые усы, под самые дырочки Хвыличкиного носа, сунула тяжелый кукиш.

— Здишь сам, — прошептала она очаровательно.

Хвыличка пьяными глазами глянул на кукиш, не удивился, а продолжал.

Идет он до председателя Хурульского совета Гребенюка требовать справедливости. Но ведь весь мир знает, что председатель Хурульского совета кривой на один глаз. Все люди давно решили, что Гребенюку не место в Хурульском совете. И не получает

Остап Хвыличка справедливости, а видит своими глазами, что одной рукой Гребенюк берет взятку, а другой рукой угнетает бедняков.

Ничего никому не сказавши, подается Хвыличка на Старочеркасск, на Ольгинскую, на Оксай, оттуда на Нахичевань, на Большие Салы, но армянам... Ну, а там уже

близко Москва. Спускается Хвыличка под Кремлем, ставит аэроплан в холодильник, дает ему хваталонку², появляется собственноручно перед Михаилом Ивановичем.

— Так и так, Гребенюк угнетает честных тружеников.

Михаил Иванович, видя такую несправедливость, скорее дописывает свои законы и подается с Остапом на хутор Хуруль. Кривой Гребенюк занимается, конечно, своим прежним делом, и Михаил Иванович застает его на самом месте преступления.

— Вот, — говорит Михаил Иванович, — когда ты поймался! Давай печать. — И так далее.

Отделавшись от жены и расправившись таким образом с Гребенюком, Остап продолжает заниматься своими домашними делами. Скажем, поломались у него пожи на лобогрейке, или потерял он в чортову бурю вилы с машины.

— Данько, сбегай у Ростов, а как у Ростове нема пожей, то погоний в Катеринославе, а бо у Харькве.

— Так и так, Гребенюк угнетает черных тружеников...

По Данько — растрепана. Раззявил свой рот и залетел чорт его знает куда. Долетел он до Ватайска, и тут же ведь Ростов прямо через Дон, а он повернул на Тихорецкую,

² Местное название торгача.

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

Посмертная статья В. М. Бехтерева.*

Никогда не интересуясь в своей жизни какими-либо „связями“ и даже по своему характеру избегая знакомства с „верхами“, мне в течение многолетней профессорской и общественной деятельности приходилось встречаться со многими видными государственными и общественными деятелями как в период царской России, так и в период послереволюционной России. Могу поделиться воспоминаниями о Владимире Ильиче Ленине.

Как-то, в период Временного правительства я возвращался с финляндской дачи в Петроград. Как только я выступил на дебаркадер Финлянд вокзала, неожиданно выстраивается взвод Выборгского полка и раздается музыка. Это была встреча кого-то из ехавших, очевидно, из-за границы. Я стал искать глазами Керенского, зная, что он не преминул бы быть при всякой торжественной встрече, но его не было. Оказалось, что это импровизированная встреча Владимира Ильича, устроенная Выборгским полком. Владимир Ильич вместе с несколькими спутниками, сопровождаемый огромной толпой народа, вышел затем на площадь перед вокзалом, где тотчас же открылся импровизированный митинг. Встреченный овацией всей толпы, Владимир Ильич поднялся на броневику, и здесь впервые зазвучало его слово. Последний его возглас, раздавшийся в конце его речи — „Да здравствует социалистическая республика во всем мире!“ — вызвал энтузиазм.

Эта импровизированная встреча массой народа и такой же митинг, прошедший с необычным подъемом, уже тогда говорил нам, что в Россию в'ехал некто, который станет вождем той массы, которая давно, как и в период расшатанной династии, и еще более, быть может, в период неустойчивого Временного правительства, тосковала о грядущем вожде.

Живя на Каменном Острове, мне приходилось проезжать к месту службы на другой конец города, в Психоневрологический институт. Тогда Ильич, живя во дворце

Кшесинской, уже начал свои выступления перед собиравшейся вокруг дворца толпой, и можно было видеть, как с каждым днем к вечеру нарастала толпа вокруг дворца, жаждавшая слова своего нового вождя. Здесь впервые раздавались столь популярные для того времени возгласы „долой войну!“, „долой помещиков!“, „всё земли крестьянам!“ и т. п. Эта проповедь приводила к столь сильному возбуждению умов, что вызывала целые импровизированные митинги на площадях и на перекрестках больших улиц. Их можно

Кшесинской было небезопасно высказывать что-либо против Ильича. Во время одного такого импровизированного митинга на Цевском один оратор, выступивший перед толпой, был убит на месте выстрелом из толпы.

Можно сказать, что энтузиазм народных масс рос не по дням, а по часам. Это было, в буквальном смысле слова, стихийное распространение большевизма, который из Ленинграда распространился и по провинции. По улицам начались большевистские демонстрации с многочисленными флагами. Наконец, движение выросло в целое восстание (3 июля 1917 г.). Оно было подавлено казаками, но это была „пиррова победа“ тогдашнего правительства. Создавшиеся в то время Советы начали приобретать все большее и большее значение в стране. Власть уже перешла, в сущности, к ним, и правительство, как известно, могло действовать „постольку — поскольку“. Наконец, великий Октябрь решил судьбу Временного правительства.

Ильича мне удалось видеть во время открытия 2-го съезда III Интернационала во дворце Урицкого. Нечего говорить о том энтузиазме, с которым встречен был Ильич, поднявшийся на кафедру. И надо было слышать его речь, когда через головы слушателей Ильич, вождь русского народа, говорил с Европой, громя ее капиталистические устои, говорил о ее невыносимо тяжелом финансовом положении после войны, и с цифрами в руках доказывал необходимость взаимного уничтожения военных долгов. Конец речи Ильича снова ознаменовался шумной овацией.

В дальнейшем мои встречи с Ильичем относились уже к тому времени, когда наступили дни его тяжелой болезни и когда я приглашался в качестве консультанта к его постели, но описанием этих печальных дней Ильича я не хотел бы омрачать свои воспоминания об Ильиче.

В. Бехтерев.

Н. А. Семашко и В. М. Бехтерев беседуют на съезде научных работников в декабре 1923 г. Архив „Огонька“.

было видеть и на Троицкой площади, и на углу Большого и Каменноостровского проспекта, и на Марсовом поле, и на проспекте 25 Октября. Достаточно было подойти к этим импровизированным митингам, чтобы слышать страстные споры собиравшейся толпы. Атмосфера была до того накалена, что, например, на площади около дворца

покрутился пад Армавиром, повстречал за одной тучей казака, а у казака — до чего хитрый народ! — к машине корова привязана, хлопает по небу хвостом и летит вместе с казакком, должно быть по срочному делу, а может, и украденная. Данько очень заинтересовался и поехал следом за казакком, пропавшая со смеху от такой картины. Казак куда-то нырнул со своей короной за Кубанью, а Данько совсем потерял дорогу. Погнался прямо. Прямо поедешь — куда-нибудь всегда попадешь. И Данько попал, сам не знает куда — вроде в персидское царство, вроде в Индию. Хвылчке косить надо до зарезу, хлеб печет, а пожеи нет. Позывает он машину у Ивана Бруна и гонит Гузия в Ростов, а сам тем временем выходит на дорогу — чи не летит там кто на Кубань. Народу летает много туда и сюда, и среди проезжающих всегда найдешь кубанских или ставропольских, или каких тебе надо людей. Заметил Хвылчка молодую бабу, лускает арбузные семечки и летит помаленьку.

— Стой, тетка, откуда будешь?

— А из Старо-Мышастовки.

— А мне треба Ново-Мышастовку. Подвези.

— Сидай.

Прыгнул Хвылчка на бабыну машину, на задок, вздремнул на сене, а в Новой Мышастовке вскочил у родича Степуна на току. Взял у него веялку на время, привязал ее за Степуновой машину и айда на Хуруль. Под самым Канном пагнал Данька. Согнул чортон рак и гонит машину, аж пыль по небу горами подымает.

— Ты где бул? — кричит ему Остап Остапович. — Где бул, чертыка?

— У Инди, — жалобно отвечает Данько.

— Да как же ты, куриосая собака, попал в Индию?

— Заблукался я, — плачет Данько, потому что сам натерпелся много страха. Тут же за Батайском, над Займищем повстречали они Никиту Гузия. Этот сукни сын пересел к какой-то старо-черкасской молодайке, обнимается с нею, как будто он поехал не по делу, а сидит под стогом. А свою машину, как возилку с волами, привязал за задок молодайкиного аэроплана. И в этот самый момент откуда-то с небесной горы прыгает Остапу Остаповичу на спину его сурруга Домна Скорпионовна, цепляется в его патлы, вываливает его из машины на волю, и ну катать, и ну катать, все головой об тучу, об тучу!

Остап Остапович поглядел на замершее бурое облако, на жену свою, на шаровары Гузия, на меня и закончил убежденно:

— А це будо. Кода-сь, а будо!

Книжечку Осоавиахима он спрятал за пазуху. Гузий, собрав складки своих штанов, лег на живот в солому.

— Да-а, — произнес он аппетитно.

Данько глядел в небо, будто искал там Степунову машину с привязанной Остапом Остаповичем веялкой, себя, убегающего из Индии, Гузия, целующегося с старо-черкасской молодайкой... Ему в нос залетела комашка и он обижено чихнул. Домна Скорпионовна выругала Остапа Остаповича обидным словом, а я...

И тут совершенно не при чем, и заверяю всех людей, что эти небесные похождения выдумал мой случайный знакомый гражданин Хвылчка с хутора Хуруля, округа Донского, края Северо-Кавказского, в июле месяце 1927 года, мечтаая на своем току об удивительном будущем по случаю своего вступления в Общество Содействия авиации и химии.

Ник. Погодин.

О Й, Ж А Ж Д А!

— Сказать мне, как будем ехать мимо кабака,—распорядился Грачев.

Неизвестно почему, дорога ли стала лучше, лошади ли отдохнули, только тарантас пока- тился вперед гораздо быстрее прежнего.

Показалось вдали село, с высокой церковью, тоже все утонувшее в полях, и лошади пошли еще бойчее, но как будто только и стало у них прыти молодецки проскакать селом: с последним мелькнувшим домом деревни они, видимо, вдруг отупели, и путешественники скоро увидели, в чем дело: за селом, направо, сажених в десятки красовалось одинокое серое здание, с засохшей классической елкой.

— Приворачивай! — сказал Грачев, и все встрепенулось.

Флегонт энергически свистнул, Жегол выпрямился, за тарантасом послышалось тревожное движение, а лошади вновь получили прежнюю живость, как будто и они тоже хотели водки.

Тарантас остановился у кабака. Ефим соскочил с заднего сидения и подошел к Грачеву. Грачев раскрыл портмоне.

Вдруг из кабака выбежал мужик лет сорока, рослый, белолицый, рыжеволосый; природная живость его, казалось, удесятирилась благодаря доброму приему водки, и здоровое, красивое лицо его пылало огненным румянцем, словно он целый день провел у кузнечного горна.

Он прямо бросился к Ефиму с дружеским приветствием: „А, Ефим Алексеевич, старый приятель!“ И, схватив его руку, быстро напечатал на ней, к удивлению наших путешественников, два полновесные и звучные поцелуя.

— Однако ж, твоими зубами жевать черствый хлеб, я думаю, не очень удобно?

— А ничего. Я привык. Быват, Евсеевич, иной раз по городским делам ден на десять уедет, Матренушка тоже уйдет милостинки попросить, дело сиротское! Уйдут, а хлеба оставят, спасибо; не забывают, нет, не забывают, спасибо—оставят.

— И ты не боишься оставаться по целым неделям один?

— А чего мне бояться,—отвечал старик.— Лежу себе на печи, да корочку-то и грызу и грызу — так день за днем, день за днем...

— А кто такая Матренушка живет с тобой? Не она ли нас встретила?—спросил Грачев. — Да вот и спряталась. Мы от нее слова не могли добиться.

— А сенина, родной, сенина... у твоей матушки служила! Барыня ее с собой с своей стороны привезла... А как барыня умерла,— царство небесное! — все люди разбрелись кто куда, по оброку,—барин уехал да не бывал уж сюда,—а она и осталась тут с той поры... Ей куда идти? До своей стороны далече, да и там у ней, слышь, никого близкого, еродников нет — вот и живет...

— Мать моя была полька,—попытался Грачев Тросникову, — и умерла в молодых годах, вскоре после моего рождения.

— Да, да, бобылка, безродная, — бормотал старик, — словно как и я, вот при барском дворе и живет — щец нам сварит, либо кашки когды, хлеба поставит... Ну и живет.

Ефим равнодушно и несколько мрачно произнес: „Здравствуй, Григорий!“ и, приняв от барина деньги, пошел в кабак. Григорий бросился к тарантасу и, поглядев на Грачева, обратился к нему с восклицанием: „Батюшка! Да вы не сынок ли будете покойному Андрею Степановичу?“

— Так точно,—отвечал Грачев.

— Ну, я вашего батюшку знал, коротко знал... Бывало, едет с собачками, как встретит, тотчас узнает... „А ты, говорит, опять пьянхонек, Гришка, только и знаешь пьянствовать. Смотри у меня, как почну, говорит, таскать тебя, пьяная ты рожа, так всю твою рыжую бороду выпиллю!“ — „А и выпилли, батюшка! Выпилли! Чего не выпилить? Твоя воля!“

И мужик подставлял свою бороду в тарантас к Грачеву, как будто желал сказать своими живыми глазами: все равно, не отец, так сын, все равно! Поцпили, коли охота есть.

— Однако, нет,—продолжал он,—не бивал, никогда не бивал; так пошутит, да и только... Затем, что добрую душу имел, и никакого худя я ему не делал. — Чего нас бить? Мы все, что требуется, готовы с нашим удовольствием...

При последних словах Григорий тревожно оглянулся и быстро юркнул в кабак.

— Вот чудной мужичонка! Скажи, пожалуйста, чего он руку нашего Ефима целовал?

— Известно чего, видно таков местный обычай! — сказал тонкий человек, и достал свою записную книжку. И уж готов был внести в нее, что в Вязниковском уезде в простонародье существует у мужиков обычай целовать друг другу руку, как Жегол сказал.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— А думает: не поднесет ли? Видит барский человек, в кабаке посылают: своих нет, а выпить хочется. Я вот намерен дичь возил в город и зашел косушечку выпить. И тож, и не поверите. Стоит против меня, должно быть, приказный, что ли — одет чисто, только зеленек, сердечный, натурально с перешою. Пью, и он прямо-таки вот в глаза мне и глядит, и глядит, да так жалостно, что слезы показались. И смотрю я, говорит... — И неужели, говорит, ты так-таки ни копейки мне и не оставишь? Что станешь делать? Не допил, оставил маненчико и огурчик, как был в руке, так и отдал ему. Однако, выпил. — Что, говорю, почтенный, видно, моченьки не стало терпеть, в горле пересохло? — Жена — говорит, — ведьма, такая ведьма, что не привидано! Оберет деньги до копейки, а ты — как хочешь, хоть умирай!

Явился Ефим с полуштофом и кабачным зеленым стаканом. Григорий сопровождал его. „Паливай“, — сказал Грачев. Ямщик, Жегол и в заключение сам Ефим выпили по стаканчику, крикнули и поблагодарили барина.

Григорий тревожно следил процесс наливания и выпивания, и увидев, что в третий стакан ушло все вино и оттуда немедленно поступило целиком в желудок Ефима — вдруг приуныл: осунулся с лица, даже спал с голоса.

— Ну, брат, Ефимаша! — сказал он, — обмерил, чисто обмерил жид, целовальник! Намедни я брал полштофа — три стакана с половиной выпило!

— Трогай, — сказал Грачев. — Вот тебе, — сказал Тросников, — подавая четвертак Григорию, растерявшемуся в излияниях благодарности.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

— Четвертак пожаловал. Я говорю: не надо бы давать. Вот он теперь расходится, да последний армяк пропьет.

— Напрасно, сударь, изволите давать пьянице,—заметил Ефим,—человек, которого трудно было уличить в доброжелательности к кому бы то ни было.

— Сколько ему барин дал? — спросил Флегонт.

ЯМЩИК И БАРЫНЯ

Случилось, что какая-то овдовевшая барыня, справляясь по смерти мужа своего, петербургского лекаря, на жительство в деревню, огромной шестиместной карете, нагруженной платьями, гувернантками и нянюшками и соба- чонками, доехав благополучно до Вязников, испытала совершенную невозможность про- джать путь и добраться до своей усадьбы, бывшей верст 50 в сторону—где именно? — звала и сама владелица.

Около почтовой гостиницы, где останови- лись барыня, собрались ямщики со всего города и пригородной слободы: судили, ржали, спо- ражили о том, в которой стороне Коромысло? — какие села и деревни должно ехать, чтоб попасть в Коромысло? И можно ли добраться перь до Коромыслова, так как там места такие и разлив еще в полном развале?

Наконец решили, что проехать туда невоз- можно—и все наотрез отказались. Но вы- казался один, который объявил, что он Коро- мысло знает, что он возил туда в 1829 году — того-то барина, который пробыл там два- ния, сменил старосту и уехал (барыня вспо- минала, что муж ее, действительно, в этом году мчал в имение). В заключение ямщик объявил, что берет доставить барыню в Коромысло, или ему хорошо заплатят.

Хозяин гостиницы и все остальные ямщики напережали, что не доведет, а он все стоял суем. Горькая вдова, лишившаяся супруга, не для по совершенной еще чистоте ее траур- ных платьев, не больше месяца,—думала, думала, но ей делать: оставаться ли на целые три недели в городе, или предаться на волю судьбы,—и наконец решилась ехать.

Ямщик взял славную плату, но, действи- тельно, сдержал обещание. Только ему пришлось побывать дорожку едва ли не более, чем шести- седьмью верстами: он переносил поодиночке членов чужих семейств через каждое болото, которое встре- чалось на пути, шествуя с своей ношей иногда по пояс в воде и делая таким образом при ка- кой переправе по пяти концов взад и вперед, не надо сказать, что некоторые концы были отда не менее полуверсты.

Мальчишка, правивший лошадым, мало ем легчил его труды, а скоро и совсем сделался до у беспомощен, потому что барыня перестала верить ему даже своих собачонку, после- шим как этот малорослый трусишка, забрав- шись на середину глубокого болота, так что бл да подступила ему подмышки,—разверелся в шатим мотом, не смея ступить ни взад, ни вперед, и выпустил из рук любимую барыню то- бачонку, крича во всю глотку: „Дядя Пикита, Пикита! Дядюшка! Помоги! Тоню! Тоню! Батюшки!“

В этом зрелище отношение генеральши и ра- х остальных членов семейств выразилось дирающими криками, соединенными с про- тиями и ямщику, и глушному мальчишке.

гувернантки, нянюшки, все члены семей- на—малые и большие, частью уже переже- нные на другой берег, частью еще ожида- е своей очереди у экипажа, составляя две- аянные и живописные группы, простирали и к погибающей Фани, маня ее к себе призывая нежнейшими именами: „Фанни! Фанни! Фанничка, Фанни! Сюда, Фанни! Сюда, дубушка!“

Этот концерт, составленный из детских и рческих, пискливых и грубых голосов, был оею свойства, что лошади, стоявшие на- егу, испустили громкое ржание и довольно нительно двинули экипаж. Но, к счастью, щик остановил их, закричав с середины- эта, где он стоял по-пояс в воде, держа- головой семилетнюю дочь путешествен- ны: „Куды? Черти проклятые!.. тпру!“

После этого крика лошади остановились как- ованные, и ямщик продолжал свой путь, — о, верх несчастия! — толстая собачонка, тая с толку призывными криками с двух- тивоположных берегов, между тем чуть- утонула, бросаясь то в ту, то в другую- рону и не решаясь, куда пристать, пока

...Оно бы ничего—и дети, и мамзели—все такая жедедь, что и говорить не стоит,—что с пером идешь! Да кабы не сама...

крики отчаяния усилились. Ямщик и тут по- спел на выручку: поставив барыню на берег, крикнув мимоходом на своего фалетура: „У, мозгляк! Иди у меня, а то я те...“ И мальчишка понял. Эта сцена по своему величию и origи- нальной обстановке стоила бы алмазного пера самого господина Евгения Сю, напомина- мый воин выносит на руках своих из развер- стой бездны трепещущих Розу и Бланку из какой-нибудь безны, выкопанной под ногами сироток хитрыми незуитами.

Перетаскав на другой берег все население кареты, ямщик весь мокрый садился на козлы, нарядно попуска лошадей и кое-как переправ- лял экипаж.

Таким образом он ехал эти 50 верст трое- сутки, не протыкая ни на минуту в течение их и делая каждый день по крайней мере 15 верст пешком по болоту с более или менее тяжелой ношей.

Читатель! Если французский Дагобер умилил твоё чувствительное сердце своей храбростью и неутомимостью, не будь несправедлив и к русскому.

Впрочем, я еще не досказал развязки, кото- рую сам слышал, проживая в то время в В., в почтовой гостинице, и которую потому мне непременно хочется рассказать.

Совершив свой поистине дагоберовский по- двиг, ямщик воротился в город, вовсе не рассказывая о понесенных им трудах, и даже неохотно отвечал, когда его спрашивали: „Ну, что, довел?“

— А то не доведет, что ли? — Велик разлив? — Мал ли разлив? — Как же ты с каретой? — А что? — Чай, вязнет? — Чего вязнуть пустой? — Пустой?.. А господь как? — Чаво? — В руках что ль переносил господь? — А то как же? — Чай, тяжело? — Чаво? — Нелегко, чай... Вишь, их артель какая была!

— Мала ли артель? — Поди намалелся? — Ямщик не отвечал.

— Много на водку дала? — Тоже молчанье.

И только выславшись и сев потом два обеда разом, состоявшие из щей с говядиной, каши и ситника с медом,—Никита покинул попросительную форму, в которую облачал свои ответы и с которой редко расстава-

ся,—и удовлетворил любопытство своих товарищей следующим дополнением: — Оно бы ни- чего—и дети, и мамзели—все такая жедедь, что и говорить не стоит,—что с пером идешь! Да кабы не сама... Ну, сама грузна, не при- веде бог! Одинова как зашел я с ней посе- редь болота,—а болото долгое, да толь такая, ногу таи и сосет,—куда сила девалась! Ру- ченьки ломит, коленики подгибаются „Ну, ду- маю, барынька! Будет у те крику ужо, как, не приведи бог, опущу“... И чуть вот одна ми- нуточка еще—не вынешь бы, прощай бы ба- рыня—опустил бы на самую что ни есть глуби- толь в толь, как постреленок Гаврюшка, что со мной фалетуrom был,—испугался, да как бросит барыню собачку... крик такой под- нялся... и господи унаси! Однаже, понатужился и ничего, вынес,—только уж так маненчико не дошел: да думал сухо, в саноггах не слы- хать,—спустил, а она, вишь, башмак обмо- чила. Как примется бранить... — „Да что ж ты стал,—говорит,—не идешь за мамзель Ра- курей да за Фанничкой?“ А мне уж не до Фаннички, как пустил-то я ее—стою, а меня так вот и шатает, и шатает. Смерть отдох- нуть хочется, да видишь—торопит. „Ну ско- рее,—говорит,—надо засветло к ночлегу по- спеть...“ И пошел.

— Вишь, они думают, что руки у нас же- лезные,—заметил один из его слуша- телей.

— Руки-то у нас не железные, да день- ги — то у них серебряные, — прибавил другой.

— А много на водку дала? — спросил третий.

— Мало ли, голова! — отвечал Никита, воз- вращаясь быстро к своей вопросительной форме и, следовательно, к угрюмому располо- жению духа. — Мало ли! Целый пяти- алтынный.

Затем водворилось молчанье, и собеседники, положив на изечи свои полушубки, поне- многу разбрелись от ворот почтовой гости- ницы.

...А кто же знает? Знамо: дело девичье!

ние в тщательном созерцании голого черепа, выходя из груди и болтавшихся в воде ног старика.

Казалось, самое яркое в образе его нахо- дилось теперь перед ним.

Городской голова Веймара, социал-демократ, речетирует речь, с которой он выступит для приветствия „принца“ Его жена затягивается в парадный туалет для „высочайшего“ приема.

его умоляют расписаться в книге почетных гостей, в театрах он сидит в придворных ложах.

Ему служат и прислуживают, в честь его дают „придворные балы“, устраивают

благодаря слишком шумным восторгам и рукоплесканиям, немецкая общественность была вынуждена обратить внимание на эту историю. Наступили скверные дни. Он попытался бежать во Францию, но на границе он был арестован, и все пошло прахом.

То же общество, которое так носилось с принцем, сделало все, что было возможно, для того, чтобы

сказать свое слово. Он заявил протест против того, что его портрет помещен в книге Домелы. Конечно, высочайшее желание было исполнено, и портрет изъят. Семья Гогенцоллернов запротестовала против того, чтобы ее имя было упомянуто в фильме „Домела“. Конечно, и это желание было исполнено.

Теперь ясно, для кого и зачем „товарищ Носке“ затравил бешеными собаками десятки тысяч рабочих. Ради республики, в которой тень императора повергает на

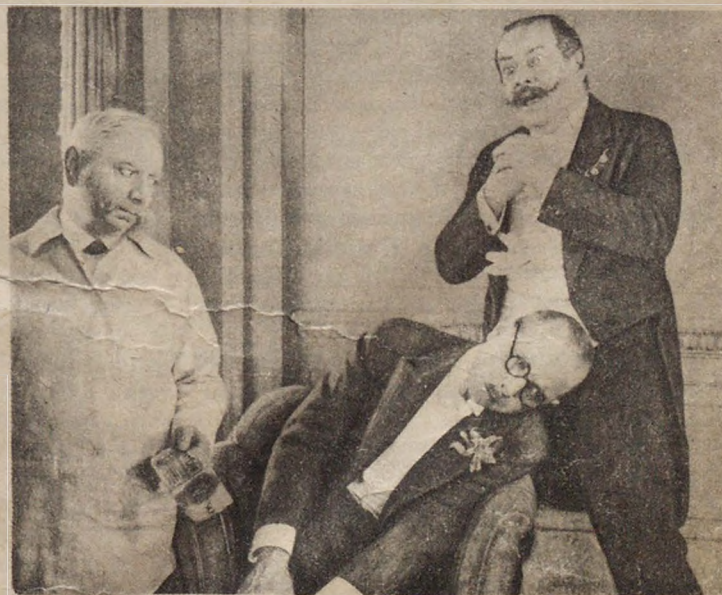
Гарри Домела приезжает в гостиницу в Веймаре и записывается под именем барона Корф.

„придворные охоты“. Он посещает правительственные благотворительные учреждения. Перед ним ползают на коленях, целуют ему руки в чаянии „будущих“ титулов и наград. Свою роль он проводит мастерски. Только изредка кое-кто обращает внимание на его „чрезмерную“ интеллигентность и на его слишком передовые взгляды. Но это пустяки! Настоящему принцу можно простить даже такие недостатки.

Если бы не чрезмерная услужливость чиновничества, военщины и администраторов, Домела мог бы годами разыгрывать так блестяще удавшуюся ему роль.

замять эту историю. Немецкое общество не захотело всмотреться в то зеркало, которое представлял собой случай Домелы. Дело Домелы поставилось замять и вскоре выпустили его на свободу.

Если бы не издательство „Малик“, издавшее книгу мемуаров Домелы, этот случай так бы и не получил огласки, но благодаря этому настоящий принц должен был

Городской голова, директор отеля и обер-кельнер, после того как они прочли на банкнотном билете, уплаченном Домелой, его признание в том, что он не является кронпринцем.

колени граждан республики и наступает на них своим украшенным шпорой сапогом.

Перевела Е. Кальмеер.

ВИКТОРИНА—НОВАЯ ИГРА

На краю вагонной скамьи сидит молодой человек. Пассажиры совсем затолкали его. Но он ничего не замечает: весь отдался странному занятию. Читает какой-то журнал, поминутно заглядывая в последнюю страницу, возвращается назад, ставит карандашом какие-то крестики и значки,— вообще, занят по-горло. Дорога кажется ему короткой, и на пужной станции он соскакивает лишь в последний момент, оторопело проталкиваясь к выходу.

Или: два человека сидят друг против друга. Один — с журналом в руках, самодовольно и весело настроен. Другой — хмур, озабочен, смотрит на человека с журналом с искренней ненавистью. Он то прищелкивает пальцами, то хватается за виски, то вскакивает и ходит взад и вперед, то вдруг разрешается торжествующими победными восклицаниями.

Или: компания взрослых людей из каких-то непонятных побуждений сразу превращается по внешнему виду в группу школьников. Только один из них важно разгуливает с „Огоньком“ в руках. Другие, тихо расположившись с листками бумаги, что-то записывают под его диктовку, что-то бормочут себе под нос, о чем-то сокрушенно вздыхают.

Подойдите ко всем этим людям, попробуйте отвлечь чем-нибудь другим. Они от вас отмахнутся:

— И чего вы только мешаете? Мы играем в „Викторину“.

„Викторина“—это что такое?

Новая игра, недавно появившаяся в Америке, которую, коренным образом реорганизовав и приспособив к советскому быту, „Огонек“ вводит у нас.

На чем построена игра?

На необычайной сложности устройства „кладовых знаний“ в голове человека.

Накопление в „кладовых мозга“ происходит у нас с детства. Мы пишем туда, часто без разбора, целые груды, целые вороха всевозможнейших сведений. Нет ничего удивительного в том, что умственный багаж распределяется по шкафам и полкам памяти не в том образцовом порядке, какого бы хотелось. И очень часто нужную справку приходится с большим трудом выискивать с какой-нибудь далекой, запыленной, заваленной посторонним хламом мозговой полки, а в следующий раз — нужен бывает именно тот „хлам“, который вы в прошлый раз так небрежно отодвигали в сторону.

„Викторина“ — это летучая ревизия умственных складов, это переучет кладовых памяти.

— Что такое Варфоломеевская ночь? Ах ты, чорт! — Помни, ведь а сию минуту забыл! Варфоломеевская, Варфоломеевская... Постой, постой... Знал, а забыл. Что? Избиение гугенотов католиками во Франции? Конечно! И как это я мог забыть? С памятью что-то скверное делается. Ну, спрашивай дальше!

— На каком острове лежит Кронштадт? Знаю! Ка... ко... го... Гроблин... Нет, Шлиссельбург... Р-м, г-м, постой, постой. Тобдер, Тобдер, а? Платин... Ух, ты, ч-форт, прямо на языке вертится... Бурлин, Бог...

вин... Ура! Котлин! Котлин! Котлин! Меня, брат, не проведешь! Этот номер не пройдет! Котлин! Спрашивай дальше!

— Кто построил Эйфелеву башню? Откуда же мне знать! Это слишком трудные вопросы, таких не надо. Что? Эйфелеву построил? А ведь в самом деле! Обалдел совсем... Спрашивай дальше!

„Викторина“ не предлагает никаких трудных вопросов, с которыми надо было бы лазить в энциклопедические словари и справочники. Она построена на уровне средних знаний передового рабочего, служащего, рабфаковца, среднего читателя „Огонька“. И все-таки в процессе игры обнаруживается, что ваш партнер или вы сами не знаете („замятовал“), где был основан I Интернационал, отчего белье плохо сохнет на морозе, до скольких лет доживают лошади, что посят на голове турки, что значит РКК, из чего добывают алюминий.

А, между тем, обо всех вопросах „Викторины“ можно смело сказать, что читателю „Огонька“, если не обязательно, то следовало бы давать ответы на них.

Производи предварительные опыты с „Викториной“, прежде чем преподнести ее читателям, редакция „Огонька“, предложила серию вопросов ряду товарищей и получила такие интересные результаты (взята была одна из наиболее трудных серий).

Член ЦИК тов. Ларин	73 очка
Секретарь ЦКК тов. Ярославский	64 „
Поэт т. Безыменский	52 „
Профессор музыки т. Брауде	51 „
Наркомздрав т. Семашко	44 „
Машинистка ВСНХ т. Кондратьева	44 очка
Студент III курса Свердловского университета т. Чесноков	32 „
Поэт т. Уткин	29 „
Рабочий моск. завода „Трансмиссия“ т. Маслов	29 „

Ясно, ни в какой мере не следует сильно огорчаться неудачами при игре в „Викторину“. Надо заранее предупредить: „Викторина“ построена именно как игра, с точным расчетом на определенные пределы достижений. Достичь рекордов в ней так же трудно, как во всякой другой игре. Каждая серия „Викторины“, состоящая из 50 вопросов, может теоретически дать счастливому игроку максимум в 100 очков. Но будьте горды, если вы соберете 50 или больше; с 40 очками — вы с честью выныли из положения. Обращивание и начитанность, конечно, усиливают игрока, но не до конца: человек, сразу отвечающий на любой вопрос из области хронологии, не будет знать, из чего делается бетон. Зато главный инженер завода

пьер. Лучшей иллюстрацией могут служить те факты, что при игре приблизительно такого же рода на Западе — получили: писатель Уэлс — 63 очка, ученый Эйнштейн — 62, изобретатель Эдисон — 55 очков.

ПРАВИЛА ИГРЫ

Каждая серия игры состоит из 50 вопросов.

Правильный ответ на вопрос дает 2 очка. Приблизительный ответ — 1 очко.

При неправильном ответе или при отсутствии такового играющему не засчитывается ничего. Выигравшим считается получивший наибольшее число очков.

Ответы должны оцениваться по смыслу, а не по форме их. Формальные придирки (бюрократизм!) задающего вопросы категорически запрещаются. Естественно также, что ответ не должен буквально совпадать с напечатанным в „Огоньке“. Добавления к ответам, напечатанные в скобках, знать игрокам не обязательно, — они приводятся кое-где редакцией лишь для удо-

влетворения любознательности читателей, не удовлетворяющихся краткими ответами. Раз уже данный ответ менять нельзя: слово не воробей, вылетит — не поймаешь...

В „Викторину“ можно играть:

1) в одиночку; при этом играющий сам себе проставляет очки. Рекомендуется быть терпеливым и не лазить после каждого вопроса на страницу ответов, а сначала пройти все вопросы.

2) вдвоем; один спрашивает, другой устно отвечает.

3) при неограниченном числе участников; один читает вопросы, все прочие пишут на листках ответы, нумеруя их соответственно вопросам. Можно для оживления игры разбить серию на 2—5 частей, делая после каждой части перерыв для оглашения ответа и подсчета очков.

На обдумывание каждого вопроса дается от 1/2 до 1 минуты в зависимости от силы игроков и трудности серии. Само собой, ответы даются „наизусть“, пользование при даче ответов какими-нибудь справочниками — запрещается.

Предлагаемые „Огоньком“ вопросы для „Викторины“ подобраны по сериям постепенно возрастающей трудности. Вопросы разработаны при участии специалистов во всех областях знания, а также педагогов и психологов — при этом, однако, редакция приглашает всех друзей читателей присылать придуманные ими вопросы, равно как и всяческие соображения о „Викторине“ и впечатлении от игры в нее. Интересно был бы также опыт применения „Викторины“ в нашей средней и высшей школе.

ЧИТАТЕЛЕЙ „ОГОНЬКА“

Серия первая — «ИТАК, МЫ НАЧИНАЕМ».

Не остригите! Ответьте
просто, кратко и точно!

1. Что такое архипелаг?
2. В какой книге действующее лицо — Шехерезада?
3. Почему в Северо-Западной Европе мягкий климат?
4. Что такое жмыхи?
5. Как называется столица Северо-Американских Соединенных Штатов?
6. Какая разница между алмазом и бриллиантом?
7. Кто сказал „А все-таки она вертится“?
8. Какое метательное оружие само возвращается к бросившему его?
9. Откуда пошло название „гильотина“?
10. Когда умер Лев Толстой?
11. Какой самый дорогой металл?
12. Из чего главным образом состоит человеческое тело?
13. Что такое кокс?
14. Когда введен червонец?
15. Какой самый большой и общеизвестный магнит?
16. Какой был первый советский пост А. И. Рыкова?
17. Сколько весит один литр воды при 4° Цельсия?
18. Кем написана песня „Молодая Гвардия“?
19. Сколько председателей ЦИК'а СССР?
20. В чем отличие между Союзным Советом и Советом Национальностей?
21. Откуда завезен к нам табак?
22. Чему равен один миллиард?
23. В каком произведении Гоголя известный отрывок „Чуден Днепр при тихой погоде“?
24. Что является верховным органом каждого советского профсоюза?
25. На берегу какого моря лежит Астрахань?
26. Какая форма государственного строя сейчас в Венгрии?
27. Какая часть земной поверхности покрыта водой?
28. Что такое трехполье?
29. В каком европейском городе больше всего мостов?
30. Чему равно произведение всех цифр?
31. Что значит „Страдивариус“?
32. Какие платья фактически сделаны из дерева?
33. Для чего служит домна?
34. Какие три самые крупные электростанции выстроены при Соввласти?
35. Кто изобрел и построил первый пароход?
36. Какой самый большой круг на земле?
37. Что представляет собой градина?
38. Что такое карат?
39. Какие небесные тела называются планетами?
40. Откуда получается хинин?
41. Из каких основных частей состоит Закавказская Федерация?
42. Что такое Южный Крест?
43. Сколькими цифрами обходились римляне?
44. В каком городе больше всего жителей и сколько их?
45. Что такое кубрик?
46. Из чего делается бетон?
47. Кто был первым президентом Польши?
48. Назовите столицу Автономной Республики немцев Поволжья?
49. Как называется количество тепла, принимаемое за единицу?
50. Что такое артезианский колодец?

Ответы — см. на 18 стр.

М. ГОРЬКИЙ

В ПОРТРЕТАХ
И ФОТОГРАФИЯХ

ВЫШЛИ НОВЫЕ КНИЖКИ БИБЛИОТЕКИ „ОГОНЕК“

НЕЛЬЗЯ БЫТЬ КУЛЬТУРНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, если не читать современной русской и переводной литературы. Подавляющее большинство современных беллетристических книг не может проникнуть в гущу широких трудовых масс из-за своей сравнительной дороговизны.

НА ПОМОЩЬ МАССОВОМУ ТРУДОВОМУ ЧИТАТЕЛЮ приходит Библиотека „Огонек“

СЕМЬ МИЛЛИОНОВ ШИРОКО РАСПРОСТРАНЕННЫХ ПО ВСЕМУ СССР БЕЛЕНЬКИХ КНИЖЕК вышли и разошлись за короткий срок существования Библиотеки „Огонек“.

В 1928 году в Библиотеке „ОГОНЕК“, в числе прочих, выйдут книжки:

РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: А. Аросев, И. Бабель, А. Безыменский, В. Вересаев, Артем Веселый, Мих. Зощенко, А. Жаров, Вера Инбер, Мих. Кольцов, В. Лидин, Н. Ляшко, Мих. Пришвин, Л. Пиккулин, Пантелеймон Романов, Бор. Пильник, А. Свирский, Алексей Толстой, Иосиф Уткин и друг.

ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ: Беранже, Гете (Фауст), Виктор Гюго, Кнут Гамсун, Эмиль Золя, Панаит Истрати, Уильям Локк, Поль Моран, Рабля, Жюль-Роман, Рода-Рода, Бичер-Стоу, Теккерей, Анатоль Франс, Шекспир (Гамлет) и др.

ТРИ ГОДА существует БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“, но миллионы читателей уже оценили и полюбили ее опрятные белые книжечки, увлекательные по содержанию и тщательно издаваемые.

Г. ГЕЙНЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ГАРЦ

Английская охрана и молитвенники. Вот наш старый знакомый — шеф лондонской полиции и герой налета на наше торгпредство — Джойнсон Хикс. В этом году палата лордов озабочена вопросом первоочередной важности — печатать или не печатать на казенный счет сотни тысяч молитвенников для поддержания престижа длиннополых епископов. Страсти разгорелись — образовалось два лагеря. В стане сторонников печатания — наш друг Чамберлен, Стэнли Болдуин, лорд Сесиль и

др. Противниками выступают — Томас, Дуглас Хогг, Ллойд Джордж и, как это ни странно, Джойнсон Хикс. Джойнсон Хикс против того, чтобы колоссальные суммы затрачивались на печатание молитвенников: он находит, что эти деньги можно потратить на более решительные способы насаждения британской «цивилизации» — хорошо организованный разгром советского консульства, сотни клеветнических сообщений об СССР в газетах, кровавый террор в Китае и т. д.

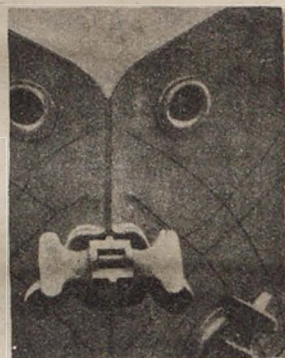
Свет идет с Востока. В берлинском Геррехаузе собралась цвет германской интеллигенции. Собрание о Советской стране было созвано германской Лигой защиты прав человека. Несмотря на различия политических убеждений собравшихся, общность выводов объединила всех ораторов. Все отмечали то несомненное обстоятельство, что в Советском Союзе нарождается новый мир, что на смену гибнущей буржуазной культуре идет новая — пролетарская. Каждый из ораторов подходил к СССР со своей профессиональной точки зрения, и пафос их был обоснован рядом фактов, четких и показательных, красноречивым статистическими данными и графическими диаграммами. От оратора к оратору переходило особенное воодушевление, и жадная наэлектризован-

ная аудитория превращала этот вечер докладов и впечатлений в мощную демонстрацию симпатий передовой германской интеллигенции к Советскому Союзу. Известный германский экономист проф. Альфонс Гольдшмидт указывал на непрерывный рост развития промышленности в рабочем государстве. Особенное внимание привлек доклад редактора берлинской вечерней газеты Эмиля Рабальда (на снимке — справа, за ним секретарь Лиги защиты Леман-Русбильдт). Докладчик сопоставил значение прессы в пролетарском государстве и в капиталистическом. В СССР пресса является выразителем воли пролетариата, широких народных масс, а не отдельных капиталистических групп, создающих газеты для защиты своих интересов. Роль Рабальда перебрал какой-то скандинавский

голос: «А что вы скажете о свободе печати в России?» Рабальд ответил, что он, хотя и не является членом коммунистической партии, все же предпочел бы работать в советской печати при так называемой ее «свободе», чем в «свободе» германской прессы. Заявление Рабальда вызвало бурю аплодисментов и овации докладчику.

Лицо войны. На этом снимке изображена часть носа нового военного американского парохода «Лексингтон». О том, как понимается буржуазными странами разоружение, нам уже давно и хорошо известно. Броненосец за броненосцем выходят из гигантских судо-

строительных верфей Соединенных Штатов, снабженные самыми новейшими, самыми смертоносными техническими усовершенствованиями. Этот снимок — символ «мирных» настроений американского капитала, чудовищная гримаса грядущей войны.

Оседланная статуя Победы. В Берлине стоит статуя Победы. После мировой войны эта статуя приобрела довольно иронический смысл для германских националистов. Американская артистка Фэй Марб, особа предприимчивая и не лишняя остроумия, снялась, сидя на плече гигант-

ской статуи, и снимок этот послал в Америку. Перед этим она побывала у бывшего кайзера, нашла, что он очень любезен. Осмотрев, таким образом, основные достопримечательности германской социал-демократической республики, она может, вернувшись в Америку, сказать, что видела самое забавное, что есть в Германии: бывшего кайзера и статую Победы.

Новый «Бетховен». Автор сочувственно встреченной Наркомпросом трагедии «Бетховен» — К. Л. Луцкий — недавно выпущил большой бюлетень композитора и совершенно новой, чисто психологической трактовки, выставленный

теперь в Большом Театре. «Бетховен» — первая работа нового обещающего скульптора. В данное время т. Луцкий занят созданием нескольких

крупных, отражающих современность, работ, с которыми он предполагает выступить на весенней выставке в Москве.

П. С. Коган — заслуженный деятель науки. Совет Народных Комиссаров РСФСР присвоил профессору П. С. Когану звание заслуженного деятеля науки.

П. С. Коган окончил историко-филологический факультет Московского университета. Был представлен факультетом к оставлению при университете для подготовки к профессорскому званию, но в ходе

таинства факультета тогдашний почетный член московского округа, впоследствии министр народного просвещения, Боголюбов отказал «еврею П. С. Когану». Только через 14 лет П. С. Коган был утвержден приват-доцентом Петербургского университета. После Октября П. С. Коган принял деятельное участие в работе Наркомпроса. Сейчас П. С. Коган состоит заместителем председателя Научно-художественной секции ГИИ, президентом Государственной Академии Художественных Наук и профессором 1-го Московского университета. До сих пор издано свыше 800 печатных листов его трудов по вопросам литературы и искусства. Фот. С. Фридлянда.

Марсель Пруст — французский писатель, получивший в 1919 г.

Ронкуровскую премию, является художником исключительной силы и оригинальностью.

Лунное затмение. которое недавно можно было наблюдать во всей Европе, удачно заснято в Англии. Пластика была выставлена с 5 ч. 15 м. до 8 ч. 15 м. вечера. Все фазы затмения автоматически запечатлелись на пластинке.

На снимке ясно виден весь процесс постепенного уменьшения и увеличения света.

«Его превосходительство». На фабрике Белгоскино заканчивается монтаж картины «Его превосходительство», посвященная памяти революционера Гирша Леккерта, повешенного царским правительством в 1903 г. за покушение на убийство виленского губернатора фон-Валя, подвергавшего

порке арестованных за первомайскую демонстрацию рабочих и студентов. В главных ролях: раввина — заслуженный артист МХАТа Л. М. Леонидов, и миряна — артистка Гос. театра им. Вахтангова М. Д. Синельникова.

«Любовь Свана» — отрывок из романа «В поисках за утраченным временем», до сих пор еще целиком неопубликованного (вышло 13 томов). В романе нашла отражение та буржуазная эпоха, в которой протекала жизнь автора, сумевшего с большой художественной тонкостью изобразить едва уловимые ощущения и переживания своих героев.

Основное значение Марселя Пруста — наблюдательность, доведенная до виртуозности, и глубочайший психологизм — находят место в книге «Любовь Свана», вышедшей и рассылаемой с настоящим номером «Огонька».

«Страдалицы». В Библиотеке «Огонек» вышла книжка рассказов В. Самсонова «Страдалицы». Автору легко удается изображение отрицательных сторон нашей повседневной жизни: бюрократизм, подхалимство, тупое чиновничье отношение к работе — вот темы рассказов Самсонова. Искренность автора, свежесть языка «Огонька».

Книжка вышла и рассылается с настоящим номером «Огонька».

Полное собр. худож. сочинений Л. Н. ТОЛСТОГО

(выпускаемого Госиздатом)

дари «Огонек» своим подписчикам в 1928 г.

Подписка цена — 13 р. 50 к.

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕКРАСОВЕ

После убийства Александра II высшие придворные круги были так напуганы этим террористическим актом, что организовали тайное общество для подпольной борьбы с крамоллой. Общество называлось „Священная дружина“. В дружину вошли: Победоносцев, граф Шувалов, князь Демидов Сан-Донато и другие приближенные царя. В 1882 году „Священная дружина“ стала издавать в Женеве провокаторскую газету под названием „Правда“, полную нарочито безграмотных, но кровавых выпадов против правительства и царской фамилии. Редактором этой газеты состоял провокатор Климов, бывший исправник, сотрудничали же в ней искренние революционеры, как например, стихотворец Григорьев, печатавший в Климовской газетке стихи и статьи под псевдонимом—Безобразов. В числе своих статей он поместил и приводимые ниже „Воспоминания о Н. А. Некрасове“, до сих пор, насколько нам известно, не появлявшиеся в легальной печати. Мы перепечатываем их здесь, так как Климовский листок является большой библиографической редкостью.

К. Чуковский.

В начале 1875 года я напечатал в Москве „Земскую Охоту“—сцены из провинциальной жизни—и две критические статьи. Комедийку совсем обтрепала цензура, а обе статьи значительно сократила.

В мае того же года получил я в подарок от Н. А. Некрасова полное собрание его стихотворений и записку с приглашением зайти к нему, так как сам он был болен. Я был до крайности рад лично познакомиться с великим поэтом, — это было одним из моих душевных желаний, — и тотчас же отправился по приглашению.

Моментально взлетел я по лестнице и неистово позвонил.

Лакей взял мою карточку и исчез.

Из комнаты в переднюю долетал стук бильярдных шаров.

Минуту спустя лакей вышел в сопровождении двух превосходных черных охотничьих собак и пригласил меня войти. По приемной, навстречу мне, бросив разговор с каким-то воином высокого чина, шел Некрасов, несколько бледный от болезни, в халате и протягивал руку. Как сейчас, вижу его высокий и неправильный лоб, задумчивые и ясные глаза, внимательно оглянувшие меня с головы до ног, все необыкновенно умное выражение лица и довольно невзрачную фигуру, далеко не соответствовавшую моим фантастическим ожиданиям увидеть богатыря. Он приветливо усмехнулся и сказал добродушно:

— Очень рад!

Затем обратившись к „красным штанам“, выпроводил их со словами:

нии моих статей „Современная поэзия“ вдаваться более в подробности, объяснить публике смысл нового периода детальнее.

— Вы правы, что принципы братства и революции громко заявляют себя в поэзии, как и повсюду, как во всей жизни, — говорил он, сидя против меня на кресле, нервно запахиывая халат и не глядя мне в глаза. Мы мало знаем народ, и им, до сих пор почти забываемым, должна будет много и долго заниматься наша поэзия, прежде чем мы добьем до всенародной литературы. Затем разговор зашел о цензуре. Я рассказал ему, как меня притесняет цензура.

Некрасов глубоко вздохнул и сказал:

— Вы не поверите, если я вам порасскажу все, что вынес от этой... императорской цензуры! Подлее ее я ничего на свете не знаю... — разве только сами цари! Цензура наша — это какой-то неустанный душеватель нашей мысли и чувства, это пожиратель ни в чем неповинных, только что рожденных литературных младенцев, это сказочное чудовище-змей, опустошающее целые области поэзии! Вы не поверите, в прежнее время, из-за нплой статейки, чуть-чуть осмысленной, да и совсем невинной, впрочем, мне приходилось до двадцати лестниц облизать, гнуться в дугу, просить и умолять этих мерзавцев! Нет-такси, как нет, — так и не пропустят!

— Ну, да и ныпче не лучше! — прибавил

ного сочетания света сильного ума критического и могучей силы поэтического таланта. Я начинал понимать, почему вокруг него постоянно, 30 лет сряду, группировалось все лучшее русской литературы.

— Вот вы говорите в ваших статьях о моих характеристиках Белинского, Добролюбова, Писарева, — говорил мне поэт. — У меня есть еще портрет Чернышевского... Хотите, я вам прочту его. — Я просил. Он как-то вовсе по-детски встал, покачался на одном месте, и прочел не стихи:

Не говори: забыл он осторожность.
Он будет сам судьбы своей винов.
Не хуже нас он знает невозможность
Служить добру, не жертвуя собой!

Но взгляды его возвышней и шире,
В его душе нет помыслов земных.
Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!

Так мыслит он, и смерть ему любезна,
Ему могила вовсе не страшна.
Не скажет он, что гибель бесполезна,
Его судьба давно ему ясна!

Его еще покамест не расняли,
Но близок день — он будет на кресте,
Его послал бог гнева и печали
Царям земли напомнить о христе!

Некрасов читал нараспев, заунывно и певуче. Затем он задумался и нахмурился:

— Нам, русским писателям, надо лучше всего остерегаться чувства страха писать все, что у нас на душе. Многие из нас писали бы гораздо лучше, если бы им не мешало это ужасное чувство. Сидит, напр., человек и пишет, и на конце пера его у него прекрасное слово... такое слово, которое в десять раз лучше всего, что он в жизни написал. Но... возьмет да и побойтся его написать; думает: „А ну, как войдут жандармы, схватят!“ — и возьмет, сподличает, не напишет своего слова... Надо ломать в себе это холуйское чувство страха всякому, кто хочет быть истинно-полезным своему народу. Нельзя быть трусом и служить истине. Истина несовместна ни с чем низменным и пресмыкающимся...

Он умолк грустно и снова начал:

— Я привык отдавать себе отчет во всем, во всех моих слабостях. Я потому их и не жажду ни в себе, ни в других, и вижу их быстро и ясно. Все мы, русские писатели, или почти все — трусы. Я еще меньше иных...

Часы и охотничий свисток Н. А. Некрасова в Пушкинском Доме Академии Наук.
Фот. С. А. Магазинера.

— Ты меня извини, теперь мне не до тебя!

— Когда же?.. — вопрошал владелец штанов, и речь, кажется, шла о недоконченной партии бильярда.

— Ну, как-нибудь... а теперь мне некогда! — отвечал Некрасов с некоторым нетерпением.

Я поглядывал на него, стоя у окна, при входе во вторую комнату. На круглом столе, около меня, лежали разные разрезанные и неразрезанные новые книги и журналы; между прочим, помнится, том „Deutscher Rundschau“ с раскрытой статьей писем Гейне о Лассалле. С одной стороны комнаты, около шкапа, украшенного чучелами птиц, стояло чучело медведи во весь рост, в другом углу комнаты помещался бильярд. В ожидании отбытия генерала, в голове у меня вертелись вопросы довольно разнообразные, вроде: „Неужели этот человек, не рослый, не красивый, почти невзрачный — именно тот поэт Некрасов, который написал такие бесмерные вещи, оказал такую колоссальную пользу русской поэзии, введя в нее лица из современного крестьянского быта. Тот журналист-боец, который в течение 30 лет сряду группировал вокруг себя лучшие силы России, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Михайлова и т. д.?

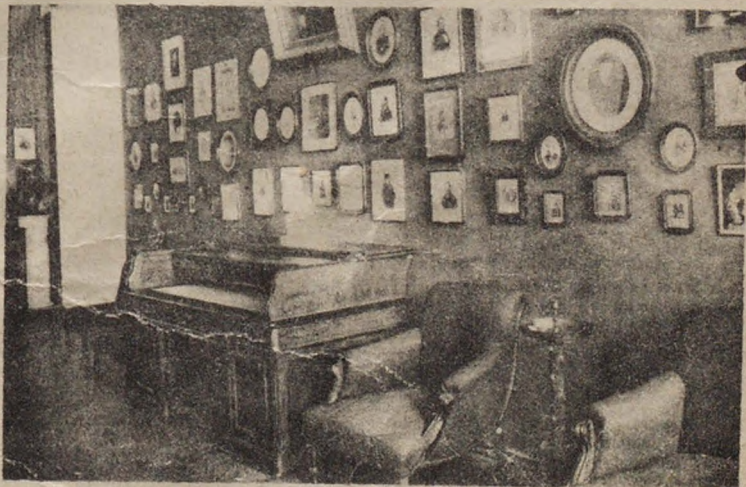
Некрасов заговорил о моих статьях. Соглашаясь с их основной мыслью, т. е. что мы вступаем в период поэзии братства и революции, он советовал мне в продолже-

он в некотором раздумьи, с отчаянием махая рукой: все та же музыка! Разве только, что вот деньгами задобришь! Ну, на деньги надки, — продажные!

И Некрасов улыбнулся с горьким презрением.

Он принялся расспрашивать о нашем журнале, о со трудниках, даже о таких, которые напечатали всего по одному стихотворению, и каждый вопрос его дышал сильной любовью ко всему, что соприскалось с русской литературой, отеческой заботливостью ко всякому самому ничтожному проявлению оригинальной мысли, вниманием чуть ли не к каждому выражению и отдельным фразам.

Затем разговор перешел на всю русскую литературу, и, что страстный и неустанный, и сознавал себя ребенком в сравнении с ним. Его критические способности особенно поразили меня: я никак не ожидал встретить в одном человеке такого стран-

Рабочий стол, кресло и курительный столик Н. А. Некрасова в Пушкинском Доме Академии Наук.
Фот. С. А. Магазинера.

Но трусливее нашей литературы нет в Европе. Она — самый подлый трус. Вы увидите, бог даст, как разыграется движение наших дней, до чего могут доходить наши литераторы, даже заведомо храбрые...

Н. Безобразов.

Ответы к первой серии игры „Викторина“ — „Итак, мы начинаем“

Редакция помещает здесь в виде примера ответы на первые десять вопросов серии. Остальные ответы будут помещены в следующем номере „Огонька“ вместе со следующей серией вопросов.

1. Группа близлежащих островов, составляющих общую соединенную систему.
2. „1001 ночь“.
3. Потому, что она омывается теплым морским течением Гольфстрем.
4. Остатки семян при выжимании масла из семян льна, подсолнечника, конопли и др.
5. Вашингтон.
6. Бриллиант—это отшлифованный алмаз.
7. Галилей (записав свое открытие о вращении земли).
8. Бумеранг (оружие австралийских дикарей).
9. По имени врача Гильотена, изобретшего во время французской революции машину для быстрой казни.
10. 7 ноября ст. ст. 1910 года.

Поль Моран

Один из наиболее блестящих представителей современной французской литературы.

мерозы, достигли Москвы, проделав весь путь Ленинград—Москва в 16 дней. Цель пробега, совершенного на лыжах советского производства—установление нового Союзного рекорда и проверка выносливости наших лыж. Участники пробега — работники 43-го почтового отделения Москвы. На снимке—командир П. В. Русинов (слева) и Н. Д. Ковдратьев подвезают к Москве.

В середине декабря из Ленинграда в Москву вышли на лыжах три писемосца [см. № 1 (249) „Огонька“]. Они шли только днем, по ночам же останавливались в придорожных деревнях, везде встречая радужный прием у крестьян. К сожалению, одному из участников из-за старой болезни ног пришлось прервать путешествие и остаться на ст. Луговой. Остальные же без больших трудностей, несмотря на большие расстояния, достигли Москвы, проделав весь путь Ленинград—Москва в 16 дней. Цель пробега, совершенного на лыжах советского производства—установление нового Союзного рекорда и проверка выносливости наших лыж. Участники пробега — работники 43-го почтового отделения Москвы. На снимке—командир П. В. Русинов (слева) и Н. Д. Ковдратьев подвезают к Москве. Фот. Я. Халина.

Редактор **М. И. КОЛЬЦОВ**. Издатель — **АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК“**. Непринятые редакцией рукописи не возвращаются. Перепечатка без указания источника воспрещается. **РЕДАКЦИЯ**—Москва 6, Страстной бульв. 11. Тел. 2-96-12; **ГЛАВНАЯ КОНТОРА**—Москва 6, Страстной бульв. 11. Тел. 35-75 и 3-12-56. **Отд. Распростр.**—5-51-69. **Почтовая экспедиция**—1-35-28. **Московская Контора**—1-28-19 и 1-28-20. **Редакционный отд.**—3-91-48. **Бюро иногородних объявлений**—3-91-48. Адрес для телеграмм: Москва Огонек. **ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ** — Проспект 25 Октября, д. 1., тел. 5-26-09. **ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ**: 1 стр.—1800 р., строка непрерывно—3 руб. Сверх тарифа—10% налога. **ПОДПИСНАЯ ЦЕНА** на 1928-й г.: „ОГОНЕК“ 1-й абон. с приложением полн. собр. худож. соч. Л. Н. Толстого (24 книги): на 1 год—13 р. 50 к. **РАССРОЧКА**: при подп. 4 р., к 1 марта—3 р. 50 к., к 1 мая—3 р., к 1 июля—3 р. „ОГОНЕК“ 2-й абон. с прил. Библиотеки „Огонек“ (2 кн. в нед.): 1 м.—1 р. 40 к., 3 мес.—3 р. 75 к., 6 мес.—7 р., 1 год—13 р. 50 к. „ОГОНЕК“ 3-й абон. с приложением полн. собр. худож. соч. Л. Н. Толстого (по 2 кн. в мес.) и 194 книжек Библ. „Огонек“ (по 2 кн. в нед.): 1 год—22 р. **РАССРОЧКА**: при подп. 5 р., к 1 марта—5 р., к 1 мая, к 1 июля и к 1 сент. по 4 р. „ОГОНЕК“ без приложений: 1 мес.—40 к., 3 мес.—1 р. 20 к., 6 мес.—2 р. 40 к., 1 год—4 р. 50 к. **ЗА ГРАНИЦУ**: „ОГОНЕК“ 1-й абон.—9 долл.; 2-й абон.—1 мес.—90 цент., 3 м.—2 д. 40 ц., 6 м.—1 д. 60 ц., 1 год—9 долл.; „ОГОНЕК“ 3-й абон.—14 долл.; „ОГОНЕК“ без прилож.—1 м.—30 ц., 3 м.—90 ц., 6 м.—1 д. 75 ц., 1 год—3 д. 30 ц. Отдельный № „ОГОНЬКА“—8 цент.

ЕСЛИ Вы недовольны средствами для ухода за зубами, которые Вы употребляли до сих пор, и ожидаемые результаты ухода за ними незаметны, то попробуйте **ЗУБНУЮ ПАСТУ**

ХЛОРОДОНТ

ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО ПОДПИСАТЬСЯ!!!

К СТОЛЕТИЮ со ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЛНОЕ ООБРАЩЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СОЧИНЕНИЙ Льва ТОЛСТОГО

(новейшее издание Госиздата)
ДАЕТ СВОИМ ПОДПИСЧИКАМ в 1928 году
САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ

ОГОНЕК

В Собрании будут помещены все художественные произведения Льва Толстого, а также произведения, которые из-за царской цензуры до сих пор не включались ни в одно собрание сочинений Толстого. Собрание будет состоять из 24 книг большого формата, напечатанных убоистым четким шрифтом, по 12 печатных листов (около 200 страниц) каждая—по две книги ежемесячно.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

1-й абонемент: 52 номера журнала „Огонек“ с приложением Полного Собрания художествен. сочинений Льва Толстого в 24-х книгах **13 р. 50 к.** Допускается **рассрочка:** при подписке—4 р., к 1 марта—3 р. 50 к., к 1 мая—3 р. и к 1 июля—3 р.

2-й абонемент: 52 номера „Огонька“ с приложением 104 книг „Библиотеки Огонек“ (новейшие произведения лучших русских и иностранных авторов—по две книжки еженедельно). . . Год— **13 р. 50 к.** полгода—7 руб., 3 мес.—3 руб. 75 коп., 1 мес.—1 руб. 40 коп.

3-й абонемент: 52 номера „Огонька“ с приложением Сочинений Льва Толстого в 24 книгах, и 104 книжек „Библиотеки Огонек“ Год— **22 р.** Допускается **рассрочка:** при подписке—5 р., к 1 марта—5 р., к 1 мая, к 1 июля и к 1 сентября—по 4 р.

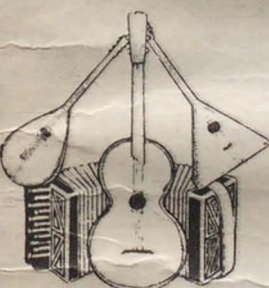
„ОГОНЕК“ без приложений: **52** номера жур-нала в год— **4 р. 50 к.** пол-года— **2 р. 40 к.** 3 ме-сяца— **1 р. 20 к.** 1 ме-сяц— **40 к.**

Подписчики на „ОГОНЕК“ с приложением Сочинений Л. Н. Толстого, внесшие подписную плату сразу полностью, получают **БЕСПЛАТНО** большой художественный портрет Л. Н. Толстого.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ: Москва 6, Страстной бульв. 11, Акционерн. Издат. Об-ву „ОГОНЕК“.

Подписка также принимается повсеместно на почте, письмомосцами, у контрагентов, в отделен. „Правды“ и „Известий ЦИК“ и во всех жел. дор. и городских киосках Контрагентства Печати.

САМОУЧИТЕЛИ

ПО ПОТНО-ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЕ

для БАЯНА

Орландий-Титаренко, для раз-ных систем. Ц. 3 р.

для ГАРМОНИКИ 3-РЯДН.

Орландий-Титаренко, с новей-шими песнями. Ц. 1 р. 50 к.

для ГАРМОНИИ 2-РЯДН.

Исаков, И. Самоучитель, с но-выми песнями Ц. 1 р. 75 к.

для БАЛАЛАЙКИ

Исаков, И. Нов. самоучитель с 47 песнями. Ц. 1 р. 50 к.

Исаков, И. 15 альбомов для манд. с послед. новинками каждый от 1 р. до 1 р. 50 к.

для ГИТАРЫ

Фишер, А. самоуч. (по цифр-вой сист. с 22 пьес. Ц. 1 р.

Фишер, Б. Альбом I и II аль-бомы с нов. пьесами по 1 р. каждый.

Исаков, И. Самоучитель с но-вейшими пьесами. Ц. 1 р. 25 к.

Высыл. налож. плат. до 5 р. без ават. Перес. за счет заказчи-ка. Заказы направля. по адресу:

нотный склад

ЛЕОН ВАЛЯЩИК

Ленинград, Гости. двор, 12.

САМОУЧИТЕЛИ ПОЛЕЗНЫХ РЕМЕСЛ:

Как самому шить обувь? С 25 рис.—35 к. Выработка хромоных ков, орасна, лакировка, новые рецепты—1 р. 25 к. Образцы художественных шрифтов и рамок для чертежи, жи-нописцев и учащихся—1 р. 50 к. Малирные работы—45 к. Дешевый домашний стол для молодых хо-зяек—1 р. Французская борьба—приемы, тренировки, Лебедева—45 к. Как самому проводить электричес. звонки. С рис.—40 к. Как самому варить мыло?—40 к. Неостанови-мое дело. С 221 рис.—70 к. Модельное дело. Простые модели, с 106 рис.—80 к. Заманчиво и или новые; ре-цепты—90 к. Столярное дело и про-изводство мебели. С 107 рис.—1 р. Токарное дело по дереву. С 41 рис.—70 к. Фанерное производство. С 16 рис.—55 к. Токарное дело по ме-таллу. С 18 рис.—70 к. Кузнечное дело. С 47 рис.—50 к. Паяние и лужение. С 57 рис.—80 к. Рецепты по металлотеchnике—70 к. Закалка. Те-ория и практика. С 81 рис.—1 р. Руководство по мыловарен. произ-водству. С 40 рис.—1 р. 45 к. Кро-мелино—жестяично—слесарные ра-боты. С 53 табл. чертежей, набросков, выкроек, лакал и т. п.—1 р. 25 к. Кузнечные штампы, изготовление и прием. С 206 рис.—80 к. Как шли-фовать и полировать материалы и изделия?—1 р. Гузевич, инж. Как устанав. вать на токарный станок модели и инструмент. С 76 рис.—60 к. Как измерить изделия при обработке на станках. С 47 рис.—50 к. Наумов, проф. Уход за нефтя-ными двигателями в вопросах и от-ветах. С 41 рис.—80 к. Рыбари, инж. Ко ка и штамповка. С 71 нагл. рис.—80 к. Рыбари, инж. Новейшие ре-цепты для металла: чистка, напка алюминия и работа с ним, сварка, цементация, закалка, травление, ла-кирование, воронение, окрасивание гальванизация, замка, цементы.

Цены указаны с пересылкой. С налож. платежом на 11 коп. дороже. Небольшие оумы просим высылать вперед, можно мел-кими почтовыми марками.

Каталог на 1927—28 г. 2. Ремесла, химическая технология, спорт, охота, игры, игрушки, текстиль, кожа, живопись и т. п. 208 стр. около 6.000 названий, высылается за 40 к. Можно марками.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН М. П. ПЕТРОВА

ЛЕНИНГРАД, Ново-Александровский рынок. № 93.

МУЗЫКА

ПЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

1-го Моск. Т-ва

произ-ва и торговли

Н. Авилов, В. Головин, А. Соколов.

ГАРМОНИИ 2-рядн. Полувонки—23 28 р. Венские—30, 38, 42, 48, 55, 65, 75, 85, 95, 105 и 125 р. Указывайте русский или немецкий строй. Одно-рядные от 10 р. до 75 р. БАЯНЫ в 200, 220, 250, 300 и 350 р. ГИТАРЫ в 13, 16, 18, 20, 25, 30, 40, 50 и 60 р. БАЛАЛАЙКИ в 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 20 и 25 р. МАНДОЛИНЫ в 12, 15, 18, 21, 24, 27, 31, 35, 40, 45 и 50 р. Заказы выполняются по получении 1/2 стоимости, с наложенным платежом на оставшуюся сумму. Иллюстриров. препо-нурат высыл. за две 8-ноп. марш. МОСКВА, центр, Покровка, 55/0, тел. 30-82 Отд.: Пятницкая 5.

50% СКИДКИ

на держан. ноты

Большой выбор нот, послед-ние новинки

Каталог высылается за две 10-ти коп. марш.

НОТЫЙ МАГАЗИН

„МУЗЫКА“

Ленинград 25, ул. Восстания 2/116

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую как новую, так и старую,

высылает налож. платеж. в 3-дневн. срок. Отдел почтовых Отправлений

нижнего магазина ВЦСПС.

МОСКВА, Кузнецкий Мост 14.

Спец. ВОЛОС (выпадение, черхоты и пр.), УГРЕЙ, пятен и др. космет. лечен. За-светлеч. Горн. Солнц. Д-р М. КАТЦЕН. Тверская, л. 62, кв. 3.

ИЗБАВИТЬСЯ!!

НАВСЕГДА

МОМЕНТАЛЬНО

от мозолей, бородавок

от крыс, мышей, кло-пов, тараканов, и др. паразитов

и ногт. может каждый только „Продуктами Л. ГЛИКА“

№ 2 „Эксоль“ уничтожает мозоли и боро-давки—корнем и безвозвратно . . . Р. 2. — к.

„4 „Явот“—радик. средство от нота Р. 1. 30 к.

„1 „Клопин“—уничтожает клопов в 15 мин. . . . Р. 1. 75 к.

„Клопин“—тройной размер . . . Р. 3. 50 к.

„Тараканон“ двойной размер . . . Р. 3. — к.

„Крысомор“—радикально уничтожает крыс и мышей Р. 2. 50 к.

„Антипаразит“—населен. средство от вшей и блох Р. 1. 50 к.

Цены указаны с уплаткой и пересылкой. Качество продукт. гаран-тировано. Заказы высылаются немедленно по получении их стоимости. А д р е с: Москва, Мясницкая, Кривоколенный пер., 1. И. ТОЛЬИ.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ДЕШЕВЛЕ ВСЕХ.

НОТЫ БОЛЬШОЙ ВЫБОР, ПОСЛЕДНИ. НОВИНКИ

КАТАЛОГИ БЕСПЛАТНО

МОСКВА, Б. Дмитровка 16, муз. магазин СТАКЛИНСКОГО

КНИГИ ПО БУХГАЛТЕРИИ

А. П. Рудakovский. Построение баланса. Ц. 75 к. Красильников. Балансирование. Ц. 1 р. 50 к. Герасим. Интересные случаи из бухгалтерской практики. Ц. 2 р. Проф. М. Н. Бутанов. Накладные расходы в производстве. Ц. 1 р. 50 к. М. Н. Березинский. Конторская практика. Ц. 8 р. 50 к. Его же. Вычисление на счетах. Ц. 1 р. А. Вихляев. Коммерч. корреспонденция. Ц. 1 р. 25 к.

Цена всей серии книг с пересылкой 10 руб.; по получении задатка 2 руб. книги немедленно высылаются с наложенным платежом.

Заказы и деньги направлять: Моск. а., 25 Театральн. пр. д. 5/0. Моск. Акад. Изд-ву „МАКИЗ“.

ЧЕХОВА

А. П.

Полное собр. соч. в 23 томах в переплете

Пользуясь случаем

Вы еще можете иметь за 8 р. от книжного магазина

== КНИГОСОЮЗ ==

МОСКВА Центр, Моховая ул., д. № 20/0, при задатке в 25% стоимости заказа (можно почт. марками).

ПОСЛЕДНЯЯ МОДА ПАРИЖА

Ожерелье из жемч. искл. франц. типа „Кепта“ массивн., тяжеловесн., не бьющ., не отлич. от наст. разм., 42 сант. с сер. замк.—11 р.; 49 сант. с сер. замк.—14 р.; 130 сант.—26 р. Серги того же типа „Кепта“ серебр.—4 р. 65 к. с перес. и упаковки.

Высылаю налож. платежом.

Ленинград, Пр. Нахимова 15, кв. 29/6 Л. Штейн

КЛАССИЧЕСКИЙ ТРУД

профессора Августа Фореля.

ПОЛОВОЙ ВОПРОС

Краткое оглавление: Происхождение живых существ. Беременность. Половое созревание. Сексуальная любовь. Исторические формы половой жизни. Половые болезни. Половые извращения. Половая гигиена. Идеал брака будущего.

Цена за оба тома с перес. 4 р. 50 к.

Адрес: Москва, улица Герцена, 22/3. Книжное Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ХОЗЯЕК

Книга содержит след. отделы: поварской и домашний (мясной и вегетарианский) стол до 500 блюд, различные десерты, варенья, соленья, маринады, напитки, конченые. Наставления для готовки на примусе.

Цена с пересылкой 2 р. 25 к.

Адрес: Москва, улица Герцена, 22/3. Книжное Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

МАГАЗИН „ПИОНЕР“ МАГАЗИН

Изд. ЦК РЛКСМ „Молодая Гвардия“ Москва, Тверская, 37.

К ЗИМНЕМУ СПОРТУ - СЕЗОНУ

В огромном выборе: лыжи, коньки, английский спорт, норвежск. и другие шерстяной трикотаж высшего качества английской шерсти. Свитеры, шарфы, шляпы, шапки, рейтузы. Палатки (раб. санит. лесн. и воен.). Подш. катал. выс. за 8-к. марку.

ПОЧЕРК

МОЖЕТ ИСПРАВИТЬ КАЖДЫЙ по руководству Д. А. Писарева. „Исправление почерка“, в котором дано 60 упражнений со всеми образцами и правилами красивого письма.

Цена книжки (64 стр.) 1 руб. По НАВОДНЫМ ТЕТРАДЯМ, в которых все прописи напечатаны слабой голубой краской, поверх которой ученик пишет чернилами. Весь курс в 3-х тетрадях стоит 1 р. 50 к.

Книжка „Почерк“, вместе с 3-мя тетрадями высыл. по получ. 2 р. 50 к. н. л. плат. 2 р. 80 к.

Научиться каллигр. письму можно по руководству КАЛЛИГРАФИИ, содержащей 113 упражнений и все образцы. Цена книжки (64 стр.) 1 р. 20 к.

Обе книжки, с 3-мя тетрадями, высыл. по получ. 3 р. 50 к. или наложен. платежом на 4 р.

Адресовать автору Д. А. Писаревскому.

ЛЕНИНГРАД 28, Кирочная 2.

ВРЕД ОТ КУРЕНИЯ

можно довести до минимума способом, рекомендуемым немецк. проф. ГЕЙНЦ-ГЕРНАК, по системе которого изготовлен и вывешен в продажу гигиенический мундштук

„АНТИКОТИН“

поглощающий вредный ид. — никотин — до 90%, что вышесло исследов., произведен. Госулар. лабораторией.

25 ПАПИРОС, выкуривших с мундштуком „АНТИКОТИН“, причиняют меньше вреда, чем 3 ПАПИРОСЫ, выкурившие без этого мундштука. Вкус и аромат остаются без изменения. ЦЕНА курит. прибора, состоящего из: 1) мундштука, 2) стерж. колбачки с запасом антикотинного препарата на год, и 3) запаса. патронов; все в футляре — 2 р. 50 к.

Отпавкам скидка.

Высылаются по получении половины стоимости. Заказы и деньги (можно марками) адресовать: МОСКВА, Главн. Почтамт, ящ. № 684. Провиз. Я. М. Дрейзину.

КАЖДОМУ ПОД РУКОЙ

Необходимо иметь при чтении книг, журналов, газет и др. литературно-научных занятий

НАСТОЛЬНЫЕ КНИГИ

1) Полный иллюстрированный словарь иностранных слов, с указанием их происхождения, ударений и научного значения. 678 стр. убористого четкого набора, около 12.000 слов, с 212 рис. Составлен по лучшим европейским и русским источникам и словарям в их новейших изданиях. Ц. 3 р.

2) Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов. Составлен при участии: Вродекого, П. А., Брысова, В. И., Вересаева, В. Н., Войтоволоского, Л., Гривенко, И. И., Гроссмана, Л. И., Дурново, В. Н., Когана, П. С., Кубинова, И., Львова-Рогачевского, В., Шенгели, В., Фриче, М. и др. видных деятелей литературы. Два совершенно окончательных тома в переплетках. 1182 столбца убористого набора. Цена за оба тома вместе 5 р.

Цены указаны с пересылкой.

ВЫСЫЛАЕТ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ (при задатке в 25% стоимости предплат. почтов. марками).

Книжный магазин КНИГОСОЮЗА МОСКВА, центр, Моховая 20/0.

ВЫСЫЛАЕМ ПОЧТОЙ

КЛУБНЫЕ ИГРЫ

ШАХМАТЫ — 1.50, 2.50, 3.75, 5, 7 и 10 руб. Доски шахматные — 2, 2.50, 3 и 5 р. ШАШКИ — 45 к. и 60 к. Доски картон. — 45 к. шт. ДОМИНО — 1.20, 1.50, 2.50 и 3.75. ЛОТО — 2.50, 4 и 7 р.

СПОРТ

Лыжи — 15, 16, 18 и 20 р. Палки — 2.50 (лыжи отпр. багажом), Пьески — 12 р. Коньки „Англ. Спорт“ — 12.50, коньки (типа) Норвежск. ботинк. 32 р. Обувь для конькобежц. Зимний трикотаж. Хокей.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

Самовары никелированные, Банков — 25, 30, 35 п. шт., рм. кой — 30, 35, 40 р. шт. Примус — 8.50. Неросинная кухня (типа Герц с двумя фидулями) — 18.50 штук. Портфели кожаные от 12—30 р. Бритвы заграничные 12, 15 и 20 р. Бритвы безопасные — 5, 6.50 и дорожные. Бритвенные приборы (никелевые) 5 и 7.50.

Часы-ходики 5.50, 6.

РАДИО

Стандартные посылки (радиоприемник с монтаж. материалом) 35, 40, 60 и 65 р. Задаток 25%, остальное наложенным платежом.

Иллюстрированный реферат: музыка, спорт, фотографии, принадлежностей, мармариные часы, хозяйственный отдел, радио, краски для материи, комм. туржур и пр. высылают за 2 восьми-копеечные марки. Москва, Гл. Почтамт, ящ. 1031.

ПОЧТОВО-ПОСЫЛОЧНОЕ БЮРО

ВЫСЫЛАЕМ ПОЧТОЙ

КЛУБНЫЕ ИГРЫ

ШАХМАТЫ — 1.50, 2.50, 3.75, 5, 7 и 10 руб. Доски шахматные — 2, 2.50, 3 и 5 р. ШАШКИ — 45 к. и 60 к. Доски картон. — 45 к. шт. ДОМИНО — 1.20, 1.50, 2.50 и 3.75. ЛОТО — 2.50, 4 и 7 р.

СПОРТ

Лыжи — 15, 16, 18 и 20 р. Палки — 2.50 (лыжи отпр. багажом), Пьески — 12 р. Коньки „Англ. Спорт“ — 12.50, коньки (типа) Норвежск. ботинк. 32 р. Обувь для конькобежц. Зимний трикотаж. Хокей.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

Самовары никелированные, Банков — 25, 30, 35 п. шт., рм. кой — 30, 35, 40 р. шт. Примус — 8.50. Неросинная кухня (типа Герц с двумя фидулями) — 18.50 штук. Портфели кожаные от 12—30 р. Бритвы заграничные 12, 15 и 20 р. Бритвы безопасные — 5, 6.50 и дорожные. Бритвенные приборы (никелевые) 5 и 7.50.

Часы-ходики 5.50, 6.

РАДИО

Стандартные посылки (радиоприемник с монтаж. материалом) 35, 40, 60 и 65 р. Задаток 25%, остальное наложенным платежом.

Иллюстрированный реферат: музыка, спорт, фотографии, принадлежностей, мармариные часы, хозяйственный отдел, радио, краски для материи, комм. туржур и пр. высылают за 2 восьми-копеечные марки. Москва, Гл. Почтамт, ящ. 1031.

ПОЧТОВО-ПОСЫЛОЧНОЕ БЮРО

ВЫСЫЛАЕМ ПОЧТОЙ

КЛУБНЫЕ ИГРЫ

ШАХМАТЫ — 1.50, 2.50, 3.75, 5, 7 и 10 руб. Доски шахматные — 2, 2.50, 3 и 5 р. ШАШКИ — 45 к. и 60 к. Доски картон. — 45 к. шт. ДОМИНО — 1.20, 1.50, 2.50 и 3.75. ЛОТО — 2.50, 4 и 7 р.

СПОРТ

Лыжи — 15, 16, 18 и 20 р. Палки — 2.50 (лыжи отпр. багажом), Пьески — 12 р. Коньки „Англ. Спорт“ — 12.50, коньки (типа) Норвежск. ботинк. 32 р. Обувь для конькобежц. Зимний трикотаж. Хокей.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

Самовары никелированные, Банков — 25, 30, 35 п. шт., рм. кой — 30, 35, 40 р. шт. Примус — 8.50. Неросинная кухня (типа Герц с двумя фидулями) — 18.50 штук. Портфели кожаные от 12—30 р. Бритвы заграничные 12, 15 и 20 р. Бритвы безопасные — 5, 6.50 и дорожные. Бритвенные приборы (никелевые) 5 и 7.50.

Часы-ходики 5.50, 6.

РАДИО

Стандартные посылки (радиоприемник с монтаж. материалом) 35, 40, 60 и 65 р. Задаток 25%, остальное наложенным платежом.

Иллюстрированный реферат: музыка, спорт, фотографии, принадлежностей, мармариные часы, хозяйственный отдел, радио, краски для материи, комм. туржур и пр. высылают за 2 восьми-копеечные марки. Москва, Гл. Почтамт, ящ. 1031.

ПОЧТОВО-ПОСЫЛОЧНОЕ БЮРО

ВЫСЫЛАЕМ ПОЧТОЙ

КЛУБНЫЕ ИГРЫ

ШАХМАТЫ — 1.50, 2.50, 3.75, 5, 7 и 10 руб. Доски шахматные — 2, 2.50, 3 и 5 р. ШАШКИ — 45 к. и 60 к. Доски картон. — 45 к. шт. ДОМИНО — 1.20, 1.50, 2.50 и 3.75. ЛОТО — 2.50, 4 и 7 р.

СПОРТ

Лыжи — 15, 16, 18 и 20 р. Палки — 2.50 (лыжи отпр. багажом), Пьески — 12 р. Коньки „Англ. Спорт“ — 12.50, коньки (типа) Норвежск. ботинк. 32 р. Обувь для конькобежц. Зимний трикотаж. Хокей.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

Самовары никелированные, Банков — 25, 30, 35 п. шт., рм. кой — 30, 35, 40 р. шт. Примус — 8.50. Неросинная кухня (типа Герц с двумя фидулями) — 18.50 штук. Портфели кожаные от 12—30 р. Бритвы заграничные 12, 15 и 20 р. Бритвы безопасные — 5, 6.50 и дорожные. Бритвенные приборы (никелевые) 5 и 7.50.

Часы-ходики 5.50, 6.

РАДИО

Стандартные посылки (радиоприемник с монтаж. материалом) 35, 40, 60 и 65 р. Задаток 25%, остальное наложенным платежом.

Иллюстрированный реферат: музыка, спорт, фотографии, принадлежностей, мармариные часы, хозяйственный отдел, радио, краски для материи, комм. туржур и пр. высылают за 2 восьми-копеечные марки. Москва, Гл. Почтамт, ящ. 1031.

ПОЧТОВО-ПОСЫЛОЧНОЕ БЮРО

ГРИМ ГЛАЗ

Коробка на год — 3 руб., полгода — 2 руб. Специальная краска для волос головы — 4 р. 50 к.

„ХИНАЛЬ“

сложно-хипный спирт для волос. Цена 1 фл. — 3 р. 50 к.

„ФЛОС-ОСВАЛЬД“

наилучший ЛАК дающий идеальный блеск ногтям в течение трех недель. Прибор — 2 руб.

Самая губная помада 4-х оттенков. Цена 2 руб. прочная и 1 руб. 20 коп. за штуку.

Любой предмет высылают с налож. платежом.

ЛАБОРАТОРИЯ КООП. Т-ВА „ОРЭАЛЬ“ Москва, Тверская, 68/0. (Химики-лаборанты: Г. М. Газаров, С. И. Пурто, А. И. Зынов и провизор М. М. Липец).

„БАСМА-ХЕНЭ“

жидкий, моментально окрашивает волосы бровей, ресниц, усов и губ, не смывает мылом 4-5 недель. Не пачкает лица, платья, не отлич. в жизни от природн., безвредн.

Коробка на год — 3 руб., полгода — 2 руб. Специальная краска для волос головы — 4 р. 50 к.

„ХИНАЛЬ“

сложно-хипный спирт для волос. Цена 1 фл. — 3 р. 50 к.

„ФЛОС-ОСВАЛЬД“

наилучший ЛАК дающий идеальный блеск ногтям в течение трех недель. Прибор — 2 руб.

Самая губная помада 4-х оттенков. Цена 2 руб. прочная и 1 руб. 20 коп. за штуку.

Любой предмет высылают с налож. платежом.

ЛАБОРАТОРИЯ КООП. Т-ВА „ОРЭАЛЬ“ Москва, Тверская, 68/0. (Химики-лаборанты: Г. М. Газаров, С. И. Пурто, А. И. Зынов и провизор М. М. Липец).

ПРИЕМ ОБЪЯВЛЕНИЙ

ВО ВСЕ ПРОВИНЦИАЛ. ГАЗЕТЫ СССР

БЮРО ИНОГОРОДНИХ ОБЪЯВЛЕНИЙ АНЦ. ИЗД. О-ВА „ОГОНЕК“

Москва, Страстной бульвар 11, Тел. 3-91-48.

Ленинград, Проспект 25 Октября, д. 1, Тел. 5-26-09.

Харьков, Пушкинская ул. 24, „Харьк. Пролетарий“, Тел. 10-32.

ИСПЫТАННЫЕ СРЕДСТВА

ЛАБОРАТОРИИ КООП. Т-ВА „ЭЛЕМ“

МОСКВА, Тверская 15.

Единственно настоящий ДЕПИЛЯТОРИЙ „W. M.“ — по-настоящему удаляет лишние волосы, где того требует красота и гигиена тела. Продажа в зеленых коробках. Ц. 1 р. 75 к., 3 р. 50 к. и 6 р. 50 к. Рост волос замедляется. РОССЕТЕРСКИЙ ВОССТАНОВИТЕЛЬ посевших волос, фл. 2 р. 75 к. КРЕМ ДЛЯ БРИТЬЯ „ELEM EUXIS“ без боли, без мыла, без кислотки; экономия времени, туба 1 р. 25 к. Высыл. только по получении 25% стоимости. Продажа в аптеках, магазинах санитарии и гигиены.

„БЫСТРОСЧЕТ“

Искусство производить в уме вычисления с быстротою мысли. Составил французский проф. Л. Ришар. Цена с перес. 1 р. 50 к. Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/3. Книжн. Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

Проф. Ф. ФИШЕР.

ХИМИКО-РАСЧЕТЫ ТЕХНИЧЕСКИЕ.

Перевод с 3 немецк. изд. под ред. проф. В. А. УШКОВА. Цена с пересылкой 2 р. 25 к. Адрес: Москва, 25, Театральн. проезд № 5/0. Моск. Акад. Издат. „МАКИЗ“.

ПИСАТЬ И ГОВОРИТЬ

ПРАВИЛЬНО ПО-РУССКИ

будете, если приобретете „Новый орфографический словарь“ — содержащий 100.000 слов, сомнительных в правописании. Высыл. за 3 р. 25 к. Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/3. Книжн. Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

НОВИНКИ!

ЕВДОКИМОВ. Практическая фотография, в 3 частях, 384 стр. 129 рис. 3 р. ЕГО-НЕ. Как получить хороший негатив. 80 к. РУДЬ. 2.000 практич. технич. рецептов. 3 р. 50 к. ДЕДРИНА. Куш. на плите и примусе. 550 мясных и вегетариан. блюд. 1 р. 20 к. ФЕНТЕРЛИОЗ. Ветроуловитель для мельниц, водокачек, станков и электростанц., 176 стр. 2 р. 50 к. КНЕИП. Мое водолечение. 1 р. 25 к. АНЮБЗОН. Ознаком. у мужчин и женщин, 2 р. 50 к. Его же. Половая холодность женщин. 2 р. 25 к. ДРЕКСЛЕР. Как предохранить себя от беременности, не прибегая к аборту. 1 р. 20 к.

Новый альбом рисунков

..... для

ВЫПИЛИВАНИЯ

из дерева. Около 250 деталей на 30 листах. Состав. художн. ТАРАКАНОВ. 3 р. (с пересылк. 3 р. 50 к.). Цены без пересылки. Высылают налож. платежом.

Книжный Магазин А. С. СТЕПАНОВА Ленинград, д. 28, просп. Возодарского, 31.

ПИСАТЬ И ГОВОРИТЬ

ПРАВИЛЬНО ПО-РУССКИ

будете, если приобретете „Новый орфографический словарь“ — содержащий 100.000 слов, сомнительных в правописании. Высыл. за 3 р. 25 к. Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/3. Книжн. Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

для ГИТАРЫ

и БАЛЛАДЫ

с новыми песнями, романсами и проч. высыл. за 2 р. 85 к.

для ГАРМОНИИ

(авхур.) такой же самоуч., с 30 музык. Мел. высл. за 2 р. 85 к.

Москва, ул. Герцена, 22/3. Книжн. Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗ.

не следует изучать по устаревшим методам. Лучшим признан новый метод Мертнера, не требующий заучивания слов и правил. Небесный самоучитель, в 10 выпусках, в обработке Б. Шмелева, доп. Гос. Уч. Советом, высыл. за 2 р. 85 к. Такой же Английский самоучитель в 60 лекциях высыл. за 3 р. 15 к.

МОСКВА, ул. Герцена, 22/3. Книжн. Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

Любую КНИГУ

как старую, так и новую, по технике, медицине и др. вопросам. Высылает в 3-х дневный срок наложен. плат. Изд-во Просвет. Об-ва „Прометей“ МОСКВА центр. Никольская, д. 3/О.

КАЗИМИ КРЕМ МЕТАМОРФОЗА

ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ПРОТИВ ВЕСНУШЕК и ДРУГИХ НЕДОСТАТКОВ КОЖИ ЛИЦА

ЛЮБУЮ КНИГУ

высылает в 3-х дневный срок наложенным платежом.

Московское Акционерное Издат. Об-ство. Москва 6, М. Дмитровка 8/в.

ПИОНЕР

Белая небьющаяся доска для писания обзв. карандашом. Высыл. по получ. стоим. 1 р. шт. (можно марками) с упаковкой. Пересылка за счет заказчика. Ленингр. Стрелитная, 11. Правление Коопхимграф.

Вышел „ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ“ № 1.

И. Г. Крылов. ДРЕССИРОВКА СОБАК

Новое практическое руководство. 88 рисунков. 116 стр. 1 р. 65 к. с пересыл. Высылает книжный магазин „ТРУД“, Москва — центр, Моховая 15/О.

БУХГАЛТЕРИЮ

без помощи учителей можете в совершенстве изучить у себя на дому по специальному заочному курсу, составленному виднейшими профессорами. Требуется бесплатный пропеит. Москва. ул. Герцена, 22/Б.

Книжное Дело „Провещение“

КНИГИ СПОРТ ЗИМОЙ

Актан. — Пионерам о лыжах, коньках и салазках. С рисунк. Стр. 75. Ц. 30 к.

Бархаш, Л. Л. — Лыжи в городе и деревне. Под ред. Учебно-Техн. Комитета МГСФК. С рис. Стр. 36. Ц. 36.

Жемчужников, А. А. — Горно-саночный спорт. Под ред. Учебно-Техн. Комитета МГСФК. С рис. 1927 г. Стр. 72. Цена 80 к.

Программа занятий в кружках физкультуры на зимний период. — Пособие руководящего характера для инструкторов физкультуры, разработано и утверждено Учебно-Техн. Ком. Моск. Губ. Совета Физкультуры. Стр. 112. Ц. 75 к.

Скалкин, П. — Горно-саночный спорт. Под ред. Научно-Технич. Ком. МГСФК. С рисунк. Стр. 25. Ц. 26 к.

Скалкин, П. — Как научиться ходить на лыжах. Руководство для начинающих и спортсменов. С рисунк. Стр. 96. Ц. 75 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ в Почтовый Отдел Издательства

„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“ (Москва, центр, Моховая 24).

Почтовый Отдел Издательства высылает книги по всем вопросам наложенным платежом немедленно по получении заказа. При выписке книг на один рубль и более, с высылкой денег вперед — пересылка бесплатно.

УЧИТЕСЬ ДОМА ВЫСТРЫЙ СЧЕТЧИК

без помощи учителей бухгалтерии, коммерческ. вычисл., искусству быстро считать, стенография по рукам препод. ком. знаний А. Л. Гольдина. Подробный проспект с отзывами высылается беспл. Ленингр., ул. Красной Связи 4—12 А. Л. ГОЛЬДИНУ.

СПОРТ-ПЛОЩАДКА на СТОЛЕ

Хоккей—6 р. Футбол—4 р. Баскет-бол—3 р. 75 Лаун-теннис—4 р. 80 к. Башня уюеха—3 р. 10 к. БОЛЬШОЙ ВЫБОР ВОЕННЫХ и КЛУБНЫХ ИГР. Заказы высылаются наложенным платежом. Кооп. Т-во „НАЧАТНИ ЗНАНИЙ“. Ленинград 25, пр. 25 Октября № 108/Д.

САМОУЧИТЕЛИ ГАРМОНИИ БАЯНА

Для венск. гармонии—мал. трудности 1 р. 85 м., б. трудности 3 р. Для баяна—малой трудности 3 р. 85 м., б. трудности 10 р. Пьесы и альбомы на разную цену. Заказы адресовать: Автору М. Н. ГЕРАСИМОВУ.

МОСКВА, 10 ДОМИНОВСКАЯ 6

ПРОСПЕКТЫ ВЫСЛАЮТСЯ ПРОИЗВОДСТВО ПОЧИММА ЗА ОДНУ 8 КОП. МАДНЫ ГАРМОНИИ БАЯНА

МИЛЛИОНЫ

людей покупают АРОМАТИЧЕСКИЕ ЛЕПЕШКИ „РИЧАРД ВЕРДО“ для моментального приготовления разных напитков, настоек, коньяка и ликеров прекрасного качества, вкуса и аромата.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ!

Цена 30 (тридцать) коп. коробка Главный склад П. ЗАКИН. Ленинград, Колокольная 13.

По первому требованию высл. асортимент в количестве не менее 10 коробок наложенным платежом. ПЕРЕПРОДАВЦАМ СКИДКА.

Помогает лицу идеальную свежесть и белизну. Уничтожает угри, веснушки, желтые пятна и прыщи. Цена банки 2 р. 64 к. Адрес: гор. Азов, Дон. ок. П-ру Г. Милтанову.

Настоящий крепкий КРЕМ-МАКЕДОН.

Уничтожает упорные недостатки кожи: угри, веснушки, желтые пятна и прыщи. Цена банки 2 р. 64 к. Высылается нал. плат. Адрес: гор. Азов, Дон. ок. П-ру Г. Милтанову.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1928 год.

на ежемесячный домашне-хозяйственный и модный богато иллюстрированный

„ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ“

Программа журнала рассчитана на обслуживание всех домашне-хозяйственных и культурных нужд современной женщины.

К каждому номеру журнала БЕСПЛАТНО предлагаются: 1) ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на год—10 р., на полгода—5 р. 50 к., на 3 мес.—3 р. Допускается рассрочка годовой платы: при подписке—4 р., к 1 апреля и к 1 июня—по 3 р. Годовые и полугодовые подписчики, внесшие подписную плату сразу полностью, получают БЕСПЛАТНЫЕ ПРЕМИИ: годовые подписчики: 1) Большую научно-популярную книгу НЕОБХОДИМУЮ каждой женщине: 2) 10 новых книжек „Библиотеки Огонек“ (новейшие художественные произведения русских и иностранных авторов) ПОЛУГОВОДНЫЕ ПОДПИСЧИКИ: 10 новых книжек „Библиотеки Огонек“.

Дальнейшие льготы, предоставл. подписчикам „ЖЕНСКОГО ЖУРНАЛА“: 1. „Альбом РУКОДЕЛИЙ“ (вышивки, вязание, плетения и пр.), стоящий в отдельной продаже 2 р. 50 к., подписчики могут получить за доплату в 1 рубль. 2. „КУЛИНАРНУЮ КНИГУ“ подписчики могут получить за доплату в 1 рубль. 3. Подписчики „Женского Журнала“ могут подписаться одновременно и на журнал „Огонек“ на 1928 год с приложением ПОЛНОГО СОБРАНИЯ художественных сочинений Л. Н. Толстого в 24-х книгах по льготной цене: вместо 13 р. 50 к.—за 12 р. 50 к. Таким образом, за годовую подписку на „Женский Журнал“ „Огонек“ и Полное Собрание Сочинений Льва Толстого подписчики уплачивают всего 22 р. 50 к. (Допускается рассрочка: при подписке—5 р., к 1 марта—5 р., к 1 мая—4 р. 50 к., к 1 июля и 1 сентября—по 4 р.)

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ: Москва 6, Страстной бул. 11, Акционерному Издательскому О-ву „ОГОНЕК“

Подписка также принимается повсеместно на почте, письмомосцами, у контрагентов, в отдел. „Правды“ и „Известия ЦИК“ и во всех жел.-дор. и городск. киосках Контрагентства Печати

ВЫПИСЫВАЙТЕ ПО ПОЧТЕ

МУЗЫКА

Балалайки 5.50, 6, 6.25, 6.75, 7.80, 8.65, 9.60, 13, 15, 18, 20, 25. Гитары 15, 18, 19, 22, 26, 30, 35. Концертные 40, 50. Мандолины 15, 19, 25, 30, 35. Концертные 40, 50, 70. Гармони 35, 40, 55, 75, 90, 110, 130, 150. Граммофоны 50, 75, 80, 95. Пионер. барабаны 15, 16, 19, 25. Горны 17, 19, 22, 27, 30. Местомкам, клубам и коллективам скидка 5%. Заказы исполняем немедленно. Задаток 25%, остальное наложенным платежом. Полный иллюстрированный прейскурант высылается за 2 восьмикопеечные марки. ПОЧТОВО-ПОСЫЛОЧ. БУРВ МОСКВА, 1-я. Почт. ям 1031.

